

Джойс Кэрол Оутс

Впервые
на русском!

Большой роман

Джойс Оутс

**Опасности путешествий
во времени**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Оутс Д. К.

Опасности путешествий во времени / Д. К. Оутс — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-17959-2

В новом романе современного классика Джойс Кэрол Оутс (неоднократного финалиста Пулицеровской премии, лауреата премии имени О. Генри, Национальной книжной премии США и множества других престижных наград) путешествия во времени, со всеми их трудностями и опасностями, — явление вполне будничное. Америка недалекого будущего в изображении Оутс сродни Гилеаду из «Рассказа служанки» Маргарет Этвуд. Границы на замке; тотальная слежка; любые попытки инакомыслия караются жестоко и немедленно. Кому, как не юной Адриане Штроль, дочери государственного преступника, это знать? Однако молодость и самоуверенность приводят к трагической ошибке. Слишком смелая речь на выпускном балу карается ссылкой на восемьдесят лет в прошлое, где нет мобильных, компьютеров, семьи, друзей. Где к страху и одиночеству и к робкой первой любви примешивается растущее подозрение: что, если доктор Айра Вулфман — такой же ссыльный из будущего?.. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17959-2

© Оутс Д. К., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть I	6
Инструкции	6
Ликвидация	7
Ордер	11
«Отличные новости!»	12
Арест	17
Дисциплинарные меры	23
Изгнание: зона 9	25
Часть II	27
Печатная машинка	32
Исчезнувшая	36
Студентка	41
Утраченные друзья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джойс Кэрол Оутс

Опасности путешествий во времени

Посвящается Стигу Бьоркману и Чарли Гроссу

«Я» – лишь инструмент для отображения функционально единой системы реакций.

Б. Ф. Скиннер. Наука и поведение человека

За мной явились, потому что я, наивная дурочка, привлекла их внимание. По собственной воле рискнула тем, чем не должна была рисковать.

Мне следовало тщательно взвесить все. Вернее, просто хорошенько подумать. Теперь вот погибаю здесь из-за своего тщеславия и глупости.

Иногда я опускаюсь на колени у кровати, и со стороны это похоже на молитву. На самом деле в эти минуты я пытаюсь пробить цензурный заслон – и вспомнить... Но как же дико при этом болит голова! Приходится делать ужасное усилие, словно пытаешься побороть гравитацию Юпитера.

Статус изгнанника запрещает упоминать о приговоре и моей жизни до Изгнания, поэтому мне одиноко вдвойне. Хотя в этом странном месте редко остаешься наедине с собой, я совсем одна и не знаю, сколько еще продержусь.

Мне дали «всего» четыре года. А могли дать пожизненное.

Или приговорить к Ликвидации.

Каждую ночь, стоя на коленях и силясь вспомнить, какой была прежде, пока не потеряла себя, я благодарю судьбу за то, что меня не ликвидировали.

И какое счастье, что никого из моей семьи не арестовали вместе со мной за пособничество в Измене!

Часть I

Спикер

Инструкции

1. В зоне отчуждения ссыльному индивиду (СИнду) позволено перемещаться в радиусе десяти миль от эпицентра, то есть от официального места проживания. Смена последнего возможна лишь с разрешения Дисциплинарной комиссии национальной безопасности по надзору за изгнанниками (ДКНБНИ).

2. СИнду запрещено оспаривать действия органов власти зоны отчуждения, возражать или оказывать им неповиновение. СИнд не вправе представляться иным именем, кроме установленного для него/нее ДКНБНИ. В зоне отчуждения СИнду запрещено раскрывать «знания будущего», а также разыскивать или пытаться связаться с «родственниками».

3. СИнд получает новое, не подлежащее изменению имя и соответствующее «свидетельство о рождении».

4. СИнду запрещено вступать в «близкие» или «доверительные» отношения с другими индивидами, а также производить потомство.

5. СИнд приобретает статус «приемного ребенка», усыновленного/удочеренного ныне «покойными опекунами». В дальнейшем за СИндом закрепляется статус «сироты». Данная информация официально отражена в документах за подписью представителя исполнительного органа зоны отчуждения.

6. В период изгнания СИнд находится под постоянным контролем. Следует понимать, что ДКНБНИ вправе в любой момент изменить срок Изгнания или меру пресечения.

7. Нарушение правил карается немедленной Ликвидацией СИнда.

Ликвидация

ЛИИнд – ликвидированный индивид.

В случае Ликвидации вы перестаете существовать, «испаряетесь». Вместе с вами ликвидируются и любые воспоминания о вас. Все ваше личное имущество переходит в собственность САШ (Северо-Американских Штатов).

После Ликвидации вашей семье, детям, если таковые имеются, запрещается упоминать вас в какой-либо форме.

Обсуждение Ликвидации табуировано. Тем не менее никогда не следует забывать о риске подвергнуться этому самому суровому из наказаний.

Ликвидация – не смертная казнь. Последняя относится к категории мер устрашения и не считается государственной тайной.

В рамках Образовательной программы исполнения наказаний определенный процент казней транслируется по федеральным каналам с целью морального воспитания населения.

(В камере исполнения наказаний, похожей на операционную, ПИИнда (приговоренного индивида) привязывали к каталке, после чего тюремный персонал в белых медицинских халатах вводил в вену осужденного смертельную дозу препарата. За процессом наблюдали десятки миллионов телезрителей. Исключая нас. Несмотря на действующий статус СкИнда (скомпрометированного индивида) и шаткое КП (кастовое положение), отец, при полном одобрении мамы, запрещал смотреть телевизор во время «воспитательных» передач, которые показывали несколько раз в неделю. Вплоть до окончания школы мой старший брат Родерик категорически возражал против подобной «цензуры», ссылаясь на то, что учителя могут поднять тему воспитательного аспекта казни, а он не сумеет ответить и в результате навлечет на себя подозрения. Однако родители оставались непреклонны.)

В перечне наказаний Ликвидация стояла особняком: если открытое обсуждение смертной казни поощрялось, то любой намек на Ликвидацию карался по статье «Призыв к государственной измене».

Статус СкИнда мой отец Эрик Штроль получил задолго до моего рождения. Молодого врача-ординатора из Медицинского центра Пеннсборо взяли на карандаш за научное мышление, которое приравнивалось к «вольномудству» со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, отца уличили в связи с Инд-П (индивидом-provокатором), вскоре арестованным и осужденным за измену. Вина отца заключалась в том, что он сочувственно внимал оратору, вещавшему перед небольшой аудиторией в городском парке; закончилось выступление неожиданно – всех слушателей повязали «чистильщики» отдела национальной безопасности.

С тех пор папина жизнь изменилась навсегда. Его, действующего врача по профилю «детская онкология», выгнали из ординатуры и перевели на низкооплачиваемую должность фельдшера при центре. На отца смотрели косо, угрожали, что навсегда запретят работать с пациентами. Впрочем, он никогда не жаловался (открыто), наоборот, заявлял (публично), как ему повезло: жив-здоров и до сих пор гуляет на свободе.

Периодически носителей статуса СкИнда заставляли заново излагать подробности своего преступления и наказания, а также выражать (публично) благодарность за нынешнее положение и трудоустройство. В эти дни отец собирался с духом и, по его собственным словам, в очередной раз продавал душу.

Бедный папа! Такой добрый, веселый, – я даже не подозревала, каким униженным он себя чувствовал. Насколько сломленным.

Естественно, дома мы не обсуждали его статус, но нам позволялось (по крайней мере, официально не запрещалось) упоминать о нем, как о хроническом семейном недуге вроде рассеянного склероза или синдрома Туретта.

СкИнд – постыдное и потенциально опасное клеймо, тем не менее оно меркло по сравнению с другими, более серьезными проступками, а потому говорить о нем было вполне безопасно. Впрочем, в любом случае отец страшно рисковал.

Среди воспоминаний одно выделяется особенно ярко и отчетливо: как-то раз мы с папой остались дома вдвоем и он повел меня на чердак, всегда запертый на всякий замок. Из-под расшатанной половицы, накрытой вытертым ковром, отец достал пачку фотографий. С них на меня смотрел человек, чье лицо показалось очень знакомым.

– Это твой дядя Тобиас. Его ликвидировали, когда тебе было два годика.

В ту пору мне стукнуло десять. Двухлетнее «я» исчезло давно и безвозвратно. Срывающимся голосом отец рассказал, что его «любимый отчаянный» младший брат Тобиас жил вместе с нами, пока учился в медицинском. Он навлек на себя подозрения ФСБ/ФБИ (Федерального следственного бюро, Федерального бюро инквизиторов) тем, что помог с организацией первомайской демонстрации за свободу слова. В возрасте двадцати трех лет «дядю Тоби» арестовали прямо в нашем доме, увезли, предположительно, пытали, а потом ликвидировали.

То есть он «испарился».

– Папочка, а что значит «испарился»? – Я нутром чуяла: ответ будет жутким – и все-таки не удержалась от вопроса.

– Он исчез, милая. Погас, как пламя.

В силу возраста я не могла постичь всю боль утраты отца. Вообще, потерянное выражение почти не сходило с его лица. От изнурительной работы в больнице кожа посерела, мучила хромота: неправильно срослась кость правой ноги после давнего перелома. Однако стоило отцу улыбнуться, и мое плохое настроение моментально улетучивалось.

Веселей, ребята! Выше нос.

Правда, в тот момент папа не улыбался и слегка отстранился, чтобы я не увидела (наверное), как он вытирает слезы.

– Нам нельзя упоминать Тобиаса. Категорически запрещается рассказывать о нем детям. И тем более рассматривать фотографии! Меня арестуют, если кто-нибудь узнает.

Под «кем-нибудь» подразумевалось правительство, хотя никто не произносил само слово вслух. Запрещено. Аналогичный запрет распространялся на «государство» и «федеральных лидеров». Поэтому все, как и папа, ограничивались туманным, опасливым «если кто-нибудь узнает».

Зато разрешалось без страха употреблять местоимение «они».

«Они» ассоциировались с пасмурным небом, низким, затянутым огромными, точно дирижабли, тучами, якобы набитыми шпионской техникой. Радужно переливаясь от загрязнения, эти исполинские корабли синюшного цвета плыли над головой – хаотичные и вездесущие.

Внизу, в непосредственной близости от электронных приборов, отец всегда тщательно выбирал выражения. Разумеется, нельзя доверять компьютеру, каким бы дружелюбным и гортанно-соблазнительным ни был его голос, как и сотовому, и ручке-диктофону, а еще – термостатам, посудомоечным машинам, микроволновкам, ключам от автомобиля и беспилотному транспорту.

– Я очень скучаю по Тоби. Скучаю постоянно. Стоит увидеть студента-медика его возраста... А каким прекрасным дядей он стал бы для вас с Родом!

Признаться, я слегка растерялась, успев позабыть недавние реплики отца.

Испарился? Ликвидирован?

Однако я удержалась от расспросов, чтобы не огорчать папу еще больше.

Помню, с каким удовольствием рассматривала снимки своего утраченного «дяди Тоби», который выглядел молодой копией моего отца. Та же скупая улыбка. Такой же тонкий длинный нос с легкой горбинкой. А глаза – темно-карие, блестящие, прямо как у меня.

– Похоже, дядя Тоби был просто замечательный.

Я сразу поняла, что сморозила чушь, и покраснела, но папа лишь грустно улыбнулся:
– Да, Тоби замечательный. Был.

Отец всячески отговаривал брата участвовать в акциях за свободу слова и майских демонстрациях. Даже в периоды, когда Бюро национальной безопасности по массовой пропаганде (БНБМП) относительно ослабляло вожжи. В такие времена правительство смотрело на действия населения сквозь пальцы, однако, по мнению отца, продолжало собирать информацию и следить за инакомыслящими и потенциальными Инд-П (индивидами-провокаторами) – так, на будущее. Ничто не забывается, никогда, предупреждал папа.

Краткая передышка рождала слухи об «оттепели» – «новой эре», ведь люди, объяснял папа, склонны верить в хорошее и забывать плохое. Всем хочется быть оптимистами. Однако «оттепели» быстро заканчивались; по итогам самые беспечные граждане – в основном молодые и неискушенные – незамедлительно подвергались аресту со всеми вытекающими последствиями.

После исчезновения (по официальной версии) дяди Тоби в дом нагрянули стражи правопорядка. Они перевернули все вверх дном, изъяли дядины учебники, лабораторные конспекты, компьютер, технику и прочее, а также все фотографии, как цифровые, так и распечатанные. Однако отцу на свой страх и риск удалось припрятать пару снимков.

– Знаю, гордиться мне нечем, но обстоятельства вынудили отречься от брата – по крайней мере, формально. После Ликвидации защищать его уже не имело никакого смысла. Мы с твоей мамой весьма убедительно клялись и божились, что даже не подозревали, какую змею, какого «предателя» пригтели на груди, поэтому нас отпустили, наложив взыскание. – Папа провел по лицу рукавом, утирая слезы. – Просто ограбили на самом деле. Дом не снесли – и то счастье, хотя могли бы, с изменниками такое практикуется.

– А мама знает?

– О чем?

– О вещах дяди Тоби.

– Нет. Разумеется, она в курсе, что моего брата ликвидировали, но никогда не говорит о нем. Про его личные вещи наверняка догадывалась, но сейчас благополучно забыла. Вряд ли даже помнит, как выглядел Тоби. Если хорошенько постараться не думать о чем-то, отгородить подсознание глухой стеной, да еще заручиться поддержкой окружающих, все можно забыть – до определенной степени.

Помню, меня пронзила дерзкая мысль: «Только не я. Уж я никогда ничего не забуду».

Касаюсь одного из дядиных свитеров – мягкая темная шерсть изъедена молью. Замечаю желто-белую футболку с растянутой горловиной. Наполовину пустую лабораторную тетрадь. Наручные часы с эластичным ремешком и мертвым циферблатом, застывшим на времени 14:20, – отец пытался их реанимировать, но тщетно.

– Адриана, поклянись, что никому не расскажешь про дядю Тоби.

Я киваю: да, папочка.

– Ни маме, ни Родди. Ни слова про дядю Тоби. Даже мне.

Заметив мое недоумение, папа влажно целует меня в нос.

Собираем незаконные вещи, прячем их под половицы и накрываем ковром.

– Адриана, это будет нашим секретом. Обещаешь?

– Обещаю, папа!

* * *

Да, я знала про Ликвидацию еще тогда. И сейчас знаю, что она собой представляет.

Не хочу уподобиться дяде Тоби. Больше не желаю высовываться – чтобы не засветиться.

Я тысячу раз поклялась отбыть срок Изгнания, не нарушая Инструкций. И дала себе обещание в один прекрасный день вернуться домой к семье.

Нельзя допустить, чтобы меня «испарили», стерли из памяти близких. Гадаю, не лежит ли под половицей на чердаке жалкая кучка моих вещей, в спешке припрятанная родителями: потрепанная зубная щетка, носки «с котятами», домашняя работа по математике с выведенной красными чернилами оценкой «91».

Ордер

Решением САШ-23 в 16-м федеральном округе Восточно-Атлантических Штатов от 19 июня выдан ордер на арест с последующим взятием под стражу и передачей суду для вынесения приговора АДРИАНЫ ШТРОЛЬ, возраст 17 лет. Является дочерью ЭРИКА и МЭДЕЛИН ШТРОЛЬ, проживает по адресу: Пеннсборо, штат Нью-Джерси, Семнадцатая Норт-стрит, дом 3911.

АДРИАНА ШТРОЛЬ обвиняется в семи эпизодах призыва к государственной измене и подрыве авторитета властей, что является прямым нарушением федеральных законов 2 и 7.

Подписано председателем Верховного суда 16-го федерального округа Г. Р. Седжвиком.

«Отличные новости!»

По крайней мере, так казалось поначалу.

Меня выбрали спикером. Я должна была выступить с прощальной речью перед учениками старших классов средней школы Пеннсборо. Кроме того, я единственная из пяти номинантов от школы стала обладательницей государственной стипендии патриот-демократов.

Мама бросилась ко мне с объятиями и поздравлениями.

Отец отреагировал не столь бурно.

– Наша девочка! Мы так тобой гордимся!

Директор школы лично позвонил родителям. Телефон у нас оживал редко, информация передавалась в основном через электронные гаджеты, и спрятаться от нее было невозможно.

Брат Родерик встретил меня с каким-то странным выражением лица. Разумеется, он слышал о стипендии патриот-демократов, но не знал ни единого ее лауреата. В период его учебы в средней школе Пеннсборо никто не удостоился звания стипендиата.

– Ну что ж... Поздравляю, Адди!

– Спасибо!

Родди окончил школу три года назад и теперь трудился за гроши в местном филиале Бюро информационной пропаганды САШ (БИП). Новость о моих успехах он воспринял без особого энтузиазма. Помню, как подумала: *ревнует! Ему-то не попасть в настоящий университет.*

Не знаю, сочувствовала ли я своему нескладно высокому брату, отравившему жидкую песочную бородавку и усы (Родди всегда носил унылые коричневые костюмы – униформу низкооплачиваемых сотрудников БИП), – или боялась его. За улыбкой брата таилась насмешка, предназначенная *только мне.*

В детстве Родди нещадно издевался надо мной – воспитывал, по его собственной формулировке. Наши родители работали по десять часов, поэтому мы регулярно оставались дома вдвоем. Родди, как старшему, полагалось заботиться о сестре. Какая ирония! Очень злая ирония, не вызывающая лично у меня улыбки.

С тех пор минули годы, я выросла (а для девочки моего возраста рост у меня солидный – пять футов восемь дюймов), и Родди перестал издеваться открыто, ограничиваясь коронной пренебрежительно-неодобрительной ухмылкой. Смотришь и понимаешь – ему хочется многое сказать на мой счет, но воспитание не позволяет.

Эта скупая, предназначенная мне одной ухмылка – как ножом по сердцу.

Родители объясняли: Родди, не набравшему нужного балла даже для местного колледжа, обидно видеть, как многого я добилась, учась в той же самой школе, и что те же самые учителя ставят мне высокие отметки. Более того, если бы брат пошел на подготовительные курсы и наша семья наскребла достаточно денег, ему все равно не светило поступить даже в самый заштатный государственный колледж с четырехлетней программой обучения.

За два года до окончания школы Родди резко переменялся. Стал чего-то бояться – может, не без причины. Не знаю, мы с ним никогда не разговаривали по душам.

В средней школе Пеннсборо – впрочем, как и везде – опасаются демонстрировать ум, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Иначе сразу запишут в «чересчур умные», а при истинной демократии все люди равны, никто не должен выделяться. Не возбраняется получать четверки и периодические пять с минусом, зато чистые пятерки сулят неприятности, а уж пятерки с плюсом – неприятности крупные. В попытке не сдать экзамен на отлично Родди, весьма неглупый, способный ученик средней школы, сильно перемудрил и в итоге заработал неуд.

Папа провел аналогию: допустим, ты мастер в стрельбе из лука и должен промазать, не попасть в яблочко, но волею коварной судьбы ты мажешь не только мимо десятки, но и вообще мимо мишени, – и он со смехом покачал головой: нечто подобное случилось и с Родди.

Бедный Родди. И бедная Адриана, поскольку брат вымещал обиду на мне.

В школе такие случаи не обсуждались открыто, однако все мы знали об истинном положении вещей. Самые способные ученики специально занижали результаты, дабы не засветиться. Поговаривали, что Отдел контроля внутренней безопасности населения (ОКВБН) ведет списки потенциальных оппозиционеров/СкИндов/Инд-Пов, куда вносят отличников и студентов с высоким уровнем интеллекта. Особое подозрение вызывали те, кто преуспевал в естественных науках, – их считали чересчур «пытливыми», «недовольными» общим направлением учебной программы. Из расписания полностью убрали лабораторные эксперименты, оставив нас довольствоваться сухими «научными фактами» («сила тяжести тянет предметы вниз», «вода закипает при 212 градусах по Фаренгейту», «негативные мысли вызывают рак», «средний уровень IQ у женщин на 7,55 пункта ниже, чем у мужчин, с поправкой на ЦК»).

Скатываться на тройки и двойки тоже было чревато – тебя могли приравнять к тупицам или заподозрить в целенаправленном саботаже учебы. Откровенно занижать результаты считалось весьма и весьма опасным. Выпускники с плохим табелем отправлялись прямым ходом в местный колледж – «подтянуться», пройти подготовительные курсы и перевестись в государственный вуз. Однако на практике стоило попасть в категорию работников низшего звена – как Родди в БИП – все, назад пути нет.

Ничто не забывается, нельзя прыгнуть выше головы. Кстати, эту горькую истину запрещалось произносить вслух.

Папа навсегда застрял в должности С2 – санитара второго разряда – в окружной больнице, где штатные врачи регулярно консультировались с ним по различным вопросам, преимущественно из области детской онкологии, – и получали в пять раз больше него.

Медицинская страховка родителей практически не покрывала никаких услуг, отец даже не имел права обслуживаться по месту работы. Мы и думать не хотели, что произойдет, если кому-нибудь из них понадобится серьезное лечение.

В школе я вела себя отнюдь не так осторожно, как Родди. Мне нравилось учиться, я обожала своих подруг, с которыми мы были как сестры. Любила контрольные и тесты – это словно увлекательная игра: надо лишь хорошенько все усвоить, вызубрить – и победа обеспечена.

Однако местами я усердствовала больше, чем надо.

Возможно, я рисковала, но не могла погасить тлеющую искорку протеста.

Впрочем, школьникам (как считали многие) опасаться было нечего. За минувшие годы к студентам Пеннсборо практически не применяли дисциплинарных мер, направленных на искоренение угрозы демократии (ДМНИУД), да и попадали под них исключительно мальчишки статуса ЦК-3 или ниже.

(У ЦК – цвета кожи – есть несколько категорий. Самая высокая – первая, «белая». Среди жителей Пеннсборо преобладает ЦК-1 и ЦК-2, с редким вкраплением ЦК-3. В соседнем районе встречаются представители ЦК-4, и, разумеется, во всех округах присутствуют темнокожие работники. Естественно, мы знали об их существовании, но никогда не встречали носителя ЦК-10.)

Это может прозвучать до смешного тщеславно и глуповато-наивно, но в школе за мной подмечали талант к сочинительству и вообще к искусству; я «схватывала на лету» (так отзывались обо мне учителя, хотя и без особого одобрения), с легкостью запоминала стихи. Не верю, что я была «выдающейся» студенткой. Это совершенно исключено! Математика и естественные науки давались мне с огромным трудом. Приходилось до посинения корпеть над домашним заданием, кропотливо готовиться к контрольным и самостоятельным, а кто-то из моих одноклассников усваивал материал в два счета, не прилагая ни малейших усилий. (В нашем

районе обитали редкие представители ЦК-2 и ЦК-3, преимущественно азиаты, так вот эти мальчики и девочки отличались незаурядным интеллектом, но совсем не стремились им блеснуть – словом, не рисковали понапрасну.) Каким-то чудом именно Адриана Штроль получила высший балл: 4,3 из пяти.

Родители моей ближайшей подруги Пейдж Коннор уговаривали дочь не выделяться, так что ее результат составил лишь 4,1 – в пределах безопасного диапазона. А самый способный из ребят (чей отец, в прошлом профессор математики, тоже носил статус СкИнда) откровенно завалил экзамен: может, переволновался, но, так или иначе, заработал скромные/безопасные 3,9.

Лучше быть живым трусом, чем мертвым героем. Не знаю, почему я считала подобные высказывания глупыми детскими шутками?

По правде говоря, я вообще не думала. Спустя месяцы, точнее, в следующей жизни, будучи студенткой кафедры психологии и получив элементарное представление о когнитивной психологии, я познакомилась с феноменом внимания – внимательностью. Явление это подсознательное, но затрагивает критическое мышление и способность концентрироваться на поставленной задаче. Обычное созерцание задействует сознание на минимальном уровне, а вот внимание требует гораздо большего умственного напряжения. Школьницей я отличалась сознательностью, но не внимательностью. Сосредоточившись на повседневных вещах вроде экзаменов, посиделок с подругами в кафе и совместных походах в тренажерный зал, я совершенно не замечала, как над головой сгущаются тучи, – игнорировала невербальные предостережения педагогов, косые взгляды и прочее...

Гораздо позже я поняла, что мою прежнюю жизнь едва ли можно назвать сознательной. Я воспринимала все буквально, не пыталась расшифровать скрытые послания родителей – те старались донести до меня информацию не на словах, а как-то иначе... Внимательность, бдительность были проклятием моих любимых папы и мамы. Я же принимала все как должное, да и свою жизнь тоже, а ведь она на самом деле была просто мыльным пузырем...

Итак, свершилось – Адриану Штроль избрали спикером выпускного класса. Отличная новость! Поздравляем!

Сейчас понимаю: никто из потенциальных претендентов не жаждал подобной «чести» и в равной степени не стремился к стипендии патриот-демократов. Правда, не обошлось без скандала: поговаривали, будто администрация школы выдвигала на роль спикера иную кандидатуру, не Адриану Штроль, а талантливого футболиста, лауреата премии «Эталонный демократ» со средним баллом 4,2. Родители парня принадлежали к более высокой касте, нежели мои, а отец носил не постыдный статус СкИнда, а гордое звание ЭИ. (Элита Изгнания – специальный знак отличия для тех, кто отбыл срок без единого нарушения и реабилитировался перед обществом на 110 процентов.)

О скандале я слышала краем уха, на уровне сплетен. Сын ЭИ уступал мне по успеваемости, однако подразумевалось, что его речь выйдет более благоразумной и интересной, поскольку он специализировался на связях с общественностью на ТВ и обучался по особой программе. А может, в школе опасались, что Адриана Штроль не только не развлечет публику, но и брякнет что-нибудь «неприемлемое»?

Сама того не осознавая, я снискала среди учителей и одноклассников репутацию человека непредсказуемого, способного удивлять, – иногда брякала такое, о чем другие предпочитали молчать. Импульсивно поднимала руку и задавала вопросы. Не из желания опровергнуть, а из банального любопытства. Например, всегда ли «научный факт» незыблем и неоспорим? Вода закипает только при температуре 212 градусов по Фаренгейту или определенную роль играет чистота воды? Действительно ли мальчики на порядок умнее девочек, подтверждено ли это эмпирически?

Преподаватели мужского пола постоянно шутили надо мной, в результате весь класс хохотал над моими глупыми вопросами; женщины-педагоги, напротив, злились или боялись – как знать. Говорила я тихо, вежливо, но, вероятно, в моем голосе звучали упрямые нотки.

Временами мой пытливый взгляд смущал учителей, которые всегда старались держать лицо перед классом. Существовали приемлемые способы выразить удивление, интерес, (легкое) недовольство, осуждение.

В наших аудиториях, как в любых общественных местах и на многих частных территориях, осуществлялся «мониторинг качества», однако подростки не придавали этому особого значения, в отличие от взрослых. А еще в каждом классе имелись свои шпионы. Разумеется, мы не знали, кто именно, – якобы вычислить их невозможно, даже если заподозришь кого-то, то наверняка ошибешься, поскольку Добровольческое гражданско-демократическое бюро наружного наблюдения (ДГДБНН) очень тщательно подбирало агентов, – маскировались они гениально, не хуже бабочек, чьи крылья благодаря расцветке *полностью* сливались с древесной корой.

Учителя не виноваты, втолковывал папа. Им нельзя отступать от учебного плана. Идеальный вариант – строгая система, когда педагог функционирует как робот, не отклоняясь от программы под угрозой – сама понимаешь чего.

Так ли это? Долгие годы в нашем классе – классе САШ-23 – шепотом обсуждали преподавателя, который/которая «отклонился» от программы: заводил неосторожные речи, смеялся и потрясал кулаком в камеру наблюдения (в каждой аудитории было по несколько камер, и все считались скрытыми). В итоге его/ее арестовали и ликвидировали, а на вакантное место взяли нового педагога. Вскоре про ликвидированного учителя забыли. Прошло какое-то время – и уже никто не помнил, что один из наших учителей подвергся Ликвидации. (Или не один? Может, некоторые аудитории населены призраками «испарившихся» педагогов?) Там, где надлежало храниться воспоминаниям о _____, царила пустота.

Естественно, я не выпендривалась на уроках. Честно. Увы, на фоне кротких одноклассников, притулившихся за партами, точно скрюченные куклы из папье-маше, Адриана Штроль могла выделяться – и не лучшим образом.

Так, на занятиях по истории патриотической демократии я иногда выражала сомнения в правдивости исторических «фактов», поднимала вопросы, не затрагиваемые никем и никогда. Например, о Большом террористическом акте 9/11/01. Так ведь я спрашивала не из нахальства, а из элементарного любопытства! Конечно, мне не хотелось, чтобы у учителей возникли проблемы с БОК (Бюро образовательного контроля), грозившие вылиться в понижение, увольнение и даже Ликвидацию.

Я думала, что нравлюсь людям, – ну, по большей части. Девушка со стрижкой ежиком, с мерцающими темными глазами, лукавыми интонациями и привычкой задавать вопросы. Знаете, как относятся к гиперактивному ребенку в детском саду: ждут, когда он набегается до полного изнеможения и утомится... В наивном неведении я зарабатывала отличные отметки, надеясь поступить в федеральный Государственный демократический университет – несмотря на компрометирующий статус отца. (Действительно, меня рекомендовали к зачислению в один из общественных университетов, где на лекциях собиралось по тысяче студентов, а большинство предметов преподавали онлайн.)

Закрытые вузы были гораздо меньше и престижнее, и попадали туда лишь избранные; эти университеты не значились во Всемирной паутине и в справочниках, хотя располагались на территории традиционных кампусов Кембриджа, Нью-Хейвена, Принстона и т. д. Эти учебные центры оставались недоступны простому смертному. Мы не только не знали их точного местонахождения, но и никогда не встречали тамошних выпускников.

Поднимая руку, чтобы ответить на вопрос учителя, я ловила на себе беспокойные, настороженные взгляды одноклассников и даже друзей: «Что Адриана выкинет на сей раз? Что с ней не так?»

«Все у меня нормально!» – думала я.

По правде сказать, втайне меня переполняла гордость. Разбавленная каплей тщеславия.

Гордость от осознания: *я – дочь Эрика Штроля.*

Арест

Фраза прозвучала отрывисто и равнодушно:

– Адриана Штроль, руки за спину!

Это произошло на репетиции выпускного бала. Очень быстро.

И так внезапно! Я была слишком растеряна, слишком напугана, чтобы сопротивляться. Хотя, думаю, все же пыталась протестовать, с детским отчаянием порывалась ускользнуть, вывернуться из грубых лап полицейских, когда те заломили мне руки с такой силой, что чудом удалось сдержать крик.

Невероятно! Просто не укладывается в голове – меня арестовывают!

Однако, несмотря на панику, я твердо решила: не буду кричать. Не стану молить о пощаде.

Запястья за спиной сковали наручниками. Через мгновение я оказалась пленницей отдела госбезопасности.

Едва закончила прощальную речь и повернулась, чтобы спуститься со сцены, как вдруг появился наш директор, мистер Маккей. С выражением праведного гнева пополам со страхом он ткнул в меня пальцем, хотя офицеры, производившие арест, вряд ли нуждались в его под-сказках:

– Вот, господа, Адриана Штроль. Та самая смутьянка, которую вы ищете.

Странно, отчего он так напыщенно выразился? Мистер Маккей явно злился на меня, но почему?! Из-за моей речи? Так ведь она состояла целиком из вопросов – никаких ответов, никаких обвинений.

Директор меня откровенно недолюбливал, хотя лично со мной не общался. Видимо, многое знал со слов учителей. Однако столь очевидная *ненависть* со стороны взрослого выбивала из колеи.

– Ее предупреждали. Их всех предупреждали, – вещал мистер Маккей. – Мы из кожи вон лезли, стараясь воспитать из нее истинную патриотку, но эта девчонка – прирожденный провокатор.

Провокатор! Я прекрасно понимала значение данного слова, но никогда не слышала его в свой адрес.

Как позже выяснилось, ордер на арест выписали задолго до репетиции. Директор с методистами донесли в Дисциплинарный отдел госбезопасности по надзору за молодежью, даже не зная содержания моей речи, – наверное, догадывались, что та будет «провокационной», а потому заранее сговорились не допустить меня до самой церемонии. Стипендия патриот-демократов была лишь коварной уловкой.

Пока остальные толпились в ярко освещенном актовом зале, женщина-офицер вслух зачитывала ордер. Ошеломленная, я сумела уловить только суть обвинения: арест, заключение под стражу, передача суду для вынесения приговора за призыв к измене и подрыв авторитета властей.

* * *

Мистер Маккей срочно созвал выпускников на «экстренное собрание».

Лихорадочно перешептываясь, мои одноклассники расселись в актовом зале. Класс насчитывал триста двадцать два человека, и новость о моем аресте распространилась молниеносно, как лесной пожар.

Директор мрачно объявил с трибуны, что Адриана Штроль, до недавнего момента спикер от класса, арестована по обвинению в измене и подрыве авторитета властей; теперь следует организовать «вотум доверия» среди ее товарищей.

Перефразируя: все ученики выпускного класса (за исключением Адрианы Штроль) должны проголосовать за или против ареста.

– Голосуйте поднятием рук, как подобает справедливым, беспристрастным демократам. – Голос директора вибрировал от осознания торжественности момента.

Меня, скованную наручниками, с заплаканным, искаженным/виноватым лицом поставили к краю сцены, словно одноклассникам требовалось напомнить, кто такая Адриана Штроль.

За предплечья меня держали два рослых офицера из Дисциплинарного отдела госбезопасности по надзору за молодежью – мужчина и женщина в темно-синей форме, вооруженные дубинками, тазерами, перцовыми баллончиками и револьверами в тяжелой кобуре. Одноклассники затравленно и в то же время возбужденно таращили глаза. Задержание! В школе! Правда, голосовать уже приходилось, но не по такому поводу.

– Мальчики и девочки, внимание! Голосуем, кто согласен лишить Адриану Штроль почетного звания спикера вследствие совершенной ею измены и подрыва авторитета властей?

Возникло замешательство. Краткое.

Неуверенно поднялось несколько рук. Потом еще.

Несомненно, присутствие суровых стражей порядка побуждало моих одноклассников к действию. Руки поднимали целыми рядами!

Правда, кое-кто смущенно ерзал в кресле и не спешил голосовать. Я перехватила взгляд своей подруги Карлы – она плакала. Пейдж смотрела на меня, словно хотела сказать: «Прости, Адриана. У меня нет выбора».

Точно в кошмарном сне передо мной вырос лес рук.

Если кто-то в итоге и воздержался, я таких не заметила.

– Кто против? – Мистер Маккей выдержал драматическую паузу, как будто производил подсчет, хотя ни единый человек не выступил в мою поддержку.

– Ребята, сейчас мы наблюдали потрясающий пример демократии в действии. «Правило большинства: истина в количестве».

Второй этап голосования ничем не отличался от первого.

– Мы, учащиеся выпускного класса средней школы Пеннсборо, одобряем и поддерживаем арест бывшего спикера Адрианы Штроль, обвиняемой в государственной измене и подрыве авторитета властей. Кто – за?

К этому моменту арестантка крепко зажмурила глаза от стыда, отвращения и страха. Зачем видеть тот же лес рук? Офицеры вывели меня, «преступницу», из школы через черный ход, не обращая ни малейшего внимания на мои протесты, вызванные чудовищной болью от тесных наручников и железных пальцев конвоиров. На улице впихнули в безликий, похожий на небольшой танк полицейский фургон с решетками в форме плуга. Такими танками наверняка разгоняли и давили всмятку демонстрантов.

Дверцы захлопнулись, лязгнул замок. Напрасно я силилась воззвать к полицейским – те устроились на переднем сиденье за перегородкой из оргстекла и даже не поворачивали головы, словно забыв о моем существовании.

Оба конвоира принадлежали к категории ЦК-4, если не ЦК-5. Наверное, они были из числа иностранных/подвергнутых идеологической обработке граждан США, которым не позволялось изучать английский.

В голове теснились тревожные мысли: «Сообщат ли родителям? Отпустят ли домой?»

Следом нахлынула паника: «А вдруг я „испарюсь“?»

Под несмолкающий вой сирены меня привезли в неприступное, точно крепость, здание – местную штаб-квартиру следственного отдела госбезопасности. Говорят, в этом доме с глухими, заложенными кирпичом окнами, некогда помещалась почта. Потом случилось преобразование Соединенных Штатов в Северо-Американские. А затем последовали приватизация и упразднение почтовой службы. От прежних Штатов сохранилось немало построек, но их предназначение изменилось. Так, начальную школу, где училась мама, переквалифицировали в центр детской хирургии и диагностики; общежитие, помнившее отца юным аспирантом с незапятнанной репутацией, превратилось в следственный изолятор и центр перевоспитания молодежи. Бюро информационной пропаганды, где трудился мой брат Родди, располагалось в особняке, служившем публичной библиотекой Пеннсборо во времена, когда книги существовали на бумаге – и их читали! В этом постылом, продуваемом всеми ветрами месте меня завели в комнату для допросов, усадили на неудобный стул, направили в лицо лампу и включили камеру. Невидимые дознаватели, чьи очертания тонули во мраке, начали допрос.

Потянулась череда однообразных вопросов.

– Кто написал для вас речь?

– Никто, я сама!

– Речь написал ваш отец, Эрик Штроль?

– Нет! Он тут абсолютно ни при чем.

– Отец продиктовал вам содержание речи? Оказывал на вас влияние? Вы лишь повторяли за ним ваши вопросы?

– Нет, речь придумала я сама!

– Кто-нибудь из родителей помогал вам написать речь? Оказывал на вас влияние? Вы лишь повторяли за ним ваши вопросы?

– Нет, нет и еще раз нет.

– Вы выразили собственные предательские настроения?

Я боялась, что отца вместе с мамой тоже арестовали и теперь терзают в мрачных застенках. Боялась, как бы отцу не поменяли статус со СкИнда на Инд-П или ДП (действующий предатель). Боялась, что он повторит путь дяди Тобиаса.

Мою речь разобрали по строчкам, по буквам, хотя состояла она всего из пары листков, напечатанных с двойным интервалом, и нескольких рукописных пометок. Досконально изучили мой ноутбук, предварительно изъятый из шкафчика.

Полицейские конфисковали все мои вещи: ноут, альбом для рисования, рюкзак, сотовый, энергетические батончики, засаленную школьную толстовку, бумажные салфетки.

Дознаватели разговаривали отрывисто, бесстрастно, как автоматы. Их можно было смело принять за роботов, если бы не манера моргать, облизывать губы, чесать нос или таращиться на тебя с жалостью или отвращением, по ситуации.

(Впрочем, папа наверняка посоветовал бы не сбрасывать теорию с роботами со счетов, поскольку в программу носителей искусственного интеллекта закладывалась способность имитировать специфическое, «спонтанное» человеческое поведение.)

Иногда кто-то из дознавателей отодвигался от слепящего света, и мне удавалось на мгновение увидеть чье-нибудь лицо – самое заурядное, из тех, что часто можно встретить в толпе или по соседству.

Мое выступление было рассчитано ровно на восемь минут, как того и требовала традиция школы, – краткая речь и совсем коротенькое приветственное слово. В «консультанты» мне назначили миссис Дьюсон, преподавательницу английского, но она не видела ни строчки из написанного мной. О содержании речи не знал никто, ни родители, ни друзья: я планировала удивить их на церемонии. После полдюжины провальных попыток хоть что-то написать я совсем отчаялась, как вдруг меня посетила гениальная мысль: представить свое выступление

в форме вопросов (в количестве двенадцати), какие наверняка задавали себе мои одноклассники, но не осмеливались спросить вслух. Вопросы из серии «Что было до начала времен?».

Что предшествовало Большому террористическому акту одиннадцатого сентября? Летосчисление ПСАШ (Преобразованные Северо-Американские Штаты) велось со дня трагедии, случившейся еще до моего появления на свет, но мои родители застали то время. Они помнят многое из прежней эпохи, когда даты обозначались не двузначными, а четырехзначными цифрами! По старому, ныне запрещенному календарю папа и мама родились в так называемом двадцатом столетии (закон запрещал переводить даты рождения в старую систему, но, как сказал папа, останься календарь прежним, я бы родилась в двадцать первом веке).

Северо-Американские Штаты – или Преобразованные Северо-Американские Штаты – возникли спустя несколько лет после Большого террористического акта, став прямым его следствием, объясняли нам в школе.

Террористический акт породил этап сомнений, когда потребность в патриотической бдительности в войне против терроризма вытеснила механизмы реализации прав и свобод человека (Конституцию, Билль о правах, гражданские права и прочее), что привело к появлению федерального указа об упразднении Конституции и Билля о правах в пользу ПБВПТ. (Согласна, черт ногу сломит. Пока дочитаешь предложение до конца, успеешь забыть начало!)

Даже не верится, что регионы, ныне известные как (Преобразованная) Мексика и (Преобразованная) Канада, когда-то были независимыми государствами – независимыми от Штатов! На карте, к примеру, отчетливо видно, что огромная территория Аляски должна примыкать к Соединенным Штатам и не отделяться в прошлом Канадой. Подобные казусы не укладывались в голову и никогда подробно не освещались на уроках истории патриотической демократии, – возможно, учителям недоставало конкретных фактов.

Прежние, «устаревшие» (читай: «непатриотичные») учебники истории сгинули в печках, рассказывал папа. Их собирали по всей стране, выискивали в самых отдаленных уголках – в захолустных библиотеках Северной и Южной Дакоты, в подвалах крупнейших университетских библиотек – и безжалостно истребляли, не пощадив даже обширную коллекцию микрофильмов в бывшей Библиотеке Конгресса. «Устаревшая/непатриотичная» информация стиралась из компьютеров и с любых доступных носителей.

Со всех сторон твердили: это ради вашего же блага. Какой смысл изучать ненужные факты, только засоришь мозги.

Однако жизнь наверняка существовала и до Преобразования, до террористических атак. Вот о чем я спрашивала в своей речи. История патриотической демократии, которую изучали с пятого класса (курс строился на неизменных «Первопричинах», обраставших от учебника к учебнику все новыми подробностями), освещала лишь посттеррористические события: в основном взаимоотношения САШ с многочисленными врагами-террористами и «победы» нашей страны в бесконечных войнах. Войнам не было конца! Велись они преимущественно на расстоянии, без участия солдат. Вместо людей САШ задействовали самонаводящиеся ракеты и бомбы – атомные, химические, биологические. В последний учебный год нам прочли курс «Войны за свободу», повествующий об исторических вооруженных конфликтах: Войне за независимость, Испано-американской войне, Первой и Второй мировой, Корейской войне и войне во Вьетнаме, а также относительно недавних войнах в Афганистане и Ираке – и везде «триумфально» победила наша страна. Нас не заставляли заучивать даты и причины войн, только места сражений и имена отличившихся генералов, политических лидеров и президентов. Необходимые сведения приводились отдельными колонками – для упрощенной подготовки к экзамену. Ни разу никто не спросил: «Почему?...» – и я решила задать этот вопрос в классе, а потом и на выпускном. Я и подумать не могла, что тем самым навлеку на себя подозрение в измене и подрыве авторитета властей.

Грубые голоса сменили тактику: «Вашу речь сочинил кто-то из учителей? Кто-то из учителей оказал на вас влияние?»

Тогда в голове у меня промелькнуло: *мистер Маккей! Можно обвинить во всем директора – и его арестуют...*

Но, вопреки лютой ненависти, я не смогла оболгать невинного человека.

* * *

После двухчасового допроса мне вменили «нежелание сотрудничать» и прямо в наручниках отправили на другой этаж, навевавший жуткие ассоциации с больницей. Меня привязали к движущейся платформе и сунули в цилиндрический аппарат, который лязгал и жужжал прямо над ухом. Внутри было тесно, я буквально уперлась носом в верхнюю крышку и зажмурилась от страха. Сквозь динамики в аппарат транслировались искаженные, нечеловеческие голоса следователей. Прибор назывался СГМ (сканер головного мозга) и работал по принципу полиграфа.

Речь для вас сочинил отец или кто-то из взрослых?

Отец или кто-то из взрослых оказывал на вас влияние?

Отец или кто-то из взрослых внушил вам предательские настроения?

С трудом шевеля запекшимися губами, я бормотала: «Нет, нет и еще раз нет!»

Вопросы повторялись снова и снова. Неустанно, по кругу, несмотря на мое упорное «нет».

Но куда коварнее оказались их вариации:

– *Не отпирайтесь; ваш отец Эрик Штроль сознался, что влиял на вас. В чем выразилось его влияние?*

Я понимала: меня хотят провести – поэтому выдавила:

– Ни в чем. Папа ничего подобного не делал.

Голос посуровел:

– *Ваша мать, Мэделин Штроль, созналась, что влияла на вас вместе с отцом. В чем выразилось их влияние?*

Рыдая, я продолжала твердить:

– Неправда! Никто на меня не влиял...

Конечно, я лукавила. Как родители могут не «повлиять» на детей?! Мои влияли на меня всю жизнь – не столько словами, сколько поступками. Мне достались замечательные, любящие папа и мама. Они учили нас с Родди: *душа – внутри. Свобода воли – внутри. Если вокруг тебя – в государстве – нет души, там нет и свободы воли. Доверяй внутреннему, не внешнему. Слушай свое сердце, а не государство.* Разумеется, я не выдала родителей, ни словом не обмолвилась об их бунтарских разговорах.

Очевидно, я потеряла сознание, а очнувшись в панике от чудовищного шума. Что это – новая, звуковая форма пытки? Чего они добиваются? Разрыва моих барабанных перепонок? Сумасшествия? Все мы слышали о допросах с применением пыток. Однажды Родди вернулся с работы домой и дрожащим, срывающимся от волнения голосом стал рассказывать об «экспериментальных методах», которые отдел госбезопасности активно опробовал на приматах; он говорил до тех пор, пока мама, зажав уши, не попросила брата замолчать.

Оглушительный звук резко прекратился. Следователи возобновили допрос.

Вскоре они пришли к выводу, что я слишком взбудоражена: мозговые волны стали хаотичными, и невозможно было понять, где правда, а где ложь. Меня вытащили из аппарата и воткнули в вену иглу с мощной «сывороткой правды», а затем опять и опять бомбардировали одинаковыми вопросами и слышали одни и те же ответы. Павшая духом, вконец измученная,

я отказывалась произнести то, чего добивались дознаватели: что предательские мысли внушил мне отец или оба родителя.

Я не оговорила никого – ни учителей, ни превратившегося теперь в заклятого врага директора.

После ненавистного СГМ меня привязали к низкому, похожему на электрический стул креслу, опутанному проводами, и пустили ток. Разряды острыми ножами вонзались в тело. Я закричала и обмочилась. Допрос продолжился.

По сути, мне задавали единственный вопрос, периодически перефразируя его в попытке сбить меня с толку:

– Кто написал за вас речь? Кто внушил вам предательские настроения? Назовите имена сообщников.

Сигнал поступил от вашего брата Родерика. Брат уличил вас в государственной измене и подрыве авторитета властей.

От безнадежности я зарыдала еще сильнее. Из всего, что наговорили дознаватели, из всего, в чем меня пытались убедить, лишь информация о Родди – его доносе – казалась достоверной и вполне предсказуемой. Вспомнилось, как Родди жал мне руку с кривой ухмылкой, предназначенной исключительно мне.

Поздравляю, Адди!

Дисциплинарные меры

Наутро меня выволокли из камеры и потащили в Дисциплинарный отдел.

В наручниках, со скованными лодыжками, я тряпичной куклой повисла на руках конвоиров – уставшая, измученная, ничего не соображающая.

Глубоко внутри теплилась надежда, что скоро я увижу родителей – их вызвали, чтобы забрать меня домой. Пускай не допустят на выпускной бал, или лишат аттестата, или даже отправят в Реабилитационный лагерь, где уже, по слухам, побывали ребята из моей школы, арестованные Дисциплинарным отделом по надзору за молодежью. Я была согласна на все, только бы встретить родителей, броситься к ним в объятия...

Каких-то пару месяцев назад мы праздновали мое семнадцатилетие. Безоблачное, счастливое время! До чего наивным, безвозвратно утерянным оно сейчас казалось. Одновременно с утратой этой легкости я почувствовала себя маленькой девочкой, мечтающей поскорее вернуться к маме с папой.

Естественно, никто из родителей меня не ждал. Едва ли они догадывались, что со мной стряслось, а я побоялась лишний раз спросить.

С порога мне заявили: вчера днем в рамках дисциплинарной чистки арестовали еще нескольких лауреатов стипендии патриот-демократов. После длительного затишья, когда чистки и задержания свелись к минимуму, Дисциплинарный отдел госбезопасности по надзору за молодежью (ДОГНМ) возобновил «охоту на потенциальных провокаторов».

Все арестанты – выпускники разных школ, попавшие под подозрение «благодаря» доносам директоров. Меня спросили в лоб: нахожусь ли я, Адриана Штроль, в сговоре с этими студентами? Являюсь ли сообщницей?

Огласили список имен – ни одного знакомого.

На экранах под потолком замелькали лица – та же история.

На меня направили камеру, в глаза хлынул поток слепящего света. Очевидно, мое перекошенное от страха лицо транслировалось в другие комнаты для допроса, где томились арестованные стипендиаты.

Расспросы возобновились: состою ли я в сговоре с кем-то из вышеназванных преступников? Являюсь ли сообщницей?

Всякий раз я отвечала «нет».

Чуть слышное, безнадежное, но твердое «нет».

ЧЕН, МАЙКЛ – совсем юный на вид американец азиатского происхождения, с гладкими черными волосами, спускавшимися на воротник, и расширенными от испуга темными глазами. Спикер выпускного класса в средней школе Робака. С первого взгляда становилось понятно – ЧЕН, МАЙКЛ незаурядный, умный парень из категории ЦК-3.

ПАДУРА, ЛОРЕН – крепко сбитая девушка с крупными чертами и пепельной кожей; глаза с поволокой и, скорее всего, категория ЦК-2. Выпускница средней школы Ист-Лоренса, она старалась держать спину прямо, несмотря на наручники и закованные лодыжки. С первого взгляда становилось понятно – ПАДУРА, ЛОРЕН личность самодостаточная и наверняка, подобно мне, склонна задавать вопросы на уроках.

ЗОЛЬ, ЙОЗЕФ ДЖЕЙ – высокий, долговязый блондин с бледным лицом, в очках с толстыми линзами и усиками над верхней губой. ЦК-1, как и я. Спикер средней школы Рамсфелда и явно математический/компьютерный гений. С первого взгляда становилось понятно – ЗОЛЬ, ЙОЗЕФ ДЖЕЙ из тех, кого хочется иметь в качестве друга, его доброта, терпение и компьютерные навыки поистине неоценимы.

Все мы смотрелись не лучшим образом: покрасневшие глаза, дрожащие губы. Мы явно раскаивались в содеянном и явно были виновны. А еще – больше не напоминали старше-

классников. *Скорее, детей. Насмерть перепуганных детишек, отчаянно тоскующих по маме с папой. Детей, не имевших ни малейшего представления о том, что происходит.*

Внезапно меня пронзила чудовищная мысль – а вдруг кто-то из стипендиатов сознается в «заговоре»? Нас всех казнят?

Ожили динамики: есть тридцать секунд, чтобы сделать чистосердечное признание.

В противном случае один из стипендиатов подвергнется публичному, на камеру, «дисциплинарному взысканию» посредством ЛАД (локальной атаки дроном).

Обвиняемые онемели от ужаса. Темноволосый ЧЕН, МАЙКЛ открыл было рот, но с губ не сорвалось ни звука.

Лихорадочный взгляд ПАДУРЫ, ЛОРЕН затуманился от слез, однако она тоже молчала.

Внезапно я услышала собственный голос, тонкий, срывающийся. Он уверял, что мы не сообщники и вообще впервые видим друг друга...

Незримый палач продолжал безучастный отсчет: одиннадцать, шестнадцать, двадцать один... Двадцать семь, двадцать восемь...

Мое сердце грозило разорваться от бешеного стука. Взгляд метался от монитора к монитору: товарищи по несчастью съежились на стульях и испуганно шурились, не решаясь полностью закрыть глаза.

Внезапно один из экранов озарила яркая вспышка. Паренька с усиками над верхней губой – ЗОЛЛЬ, ЙОЗЕФ ДЖЕЙ – словно пронзил лазерный луч. Струя жидкого огня ударила ему в висок, расколола и поглотила голову, потом перекинулась на туловище, ноги. Меньше чем за три секунды все было кончено.

Ипуская слабое сияние, останки ЗОЛЛЯ, ЙОЗЕФА ДЖЕЯ повалились на пол и через мгновение исчезли... Бывшие стипендиаты в ужасе уставились на мониторы, а в следующий миг все четыре экрана погасли, шум в ушах нарастал, делался оглушительным.

Спустя время, очнувшись от глубокого обморока, я почувствовала, как меня поднимают с кресла. Глаза открыть я так и не решилась.

Изгнание: зона 9

– Адриана, я твой дисциплинарный консультант.

Передо мной сидела женщина примерно маминых лет. Ее здоровый, сияющий вид резал глаза. А может, всему виной вчерашний изнурительный допрос под слепящим светом.

Консультанта звали С. Плац. Держалась она почти дружелюбно, как давняя знакомая.

– Милая, попробуй поднять голову и посмотреть на меня. Тебе же нечего скрывать. Сразу предупреждаю – наша беседа прослушивается и записывается на пленку.

После беспросветного ужаса и отчаяния я слабо верила С. Плац, приняв ее за очередную мучительницу. Стоило смежить веки, как перед внутренним взором вставал ЗОЛЛЬ, ЙОЗЕФ ДЖЕЙ, подстреленный, точно животное или злодей в видеоигре.

Никогда не забуду это жуткое зрелище.

Не забуду ради казненного парнишки.

В отличие от других дознавателей, С. Плац не терзала меня одинаковыми вопросами и не разговаривала резким бесстрастным голосом.

Она попросила полицейского освободить мне руки и ноги. Поинтересовалась, не болят ли запястья и лодыжки, сильно ли я «устала», не мечтаю ли «уснуть глубоким сном» в нормальной постели.

Я едва слышно пролепетала «да» (гадая, не таится ли за фразой «уснуть глубоким сном» зловещий смысл).

С. Плац была сама доброта и сострадание. Преисполненная благодарности, я не смогла сдержать слез.

– Адриана, хорошие новости. Дисциплинарный отдел определил для тебя меру пресечения за нарушение федеральных законов – Изгнание.

Изгнание! Разумеется, я слышала о такой мере, ее часто путали с Ликвидацией, поскольку ссыльный индивид (СИнд) просто исчезал, «испарялся» для всех, включая членов семьи.

За Изгнанием закрепился статус опасного, экспериментального предприятия. СИнда телетранспортировали путем расщепления и повторного соединения молекул. Никто не знал, куда именно. В колонию на другой планете? Если верить Родди, многие придерживались этой версии. Вопрос: на какую планету? Если правительство и колонизировало звезды, то втайне от населения. Однако зачастую телетранспортиация давала сбой, люди становились инвалидами, погибали, иными словами, исчезали – и никто их больше не видел.

Если годы спустя СИнд возвращался, отбыв положенный срок, все понимали – все это время он был жив, просто находился очень далеко. Вчерашних изгнанников не притесняли, но заставляли пройти курс «перевоспитания» и «реабилитации».

Изгнание считалось самым «гуманным»/«либеральным» наказанием и вменялось преимущественно людям молодым, не совершившим серьезных преступлений.

На уроках социального патриотизма нам рассказывали, что «перевоспитанный», «реабилитированный» индивид, честно отбывший свой срок, получал классификацию СИнд-1 и становился образцовым патриотом; кое-кто даже занимал высокие посты в Бюро госбезопасности и эпидемиологического контроля, а самый выдающийся СИнд-1 дослужился до начальника Федерального следственного бюро.

Поговаривали, будто даже президент принадлежал к числу СИнд-1; вчерашний «предатель» превратился в политического гения, полностью разделявшего идеалы и демократические традиции США.

– Адриана, – завела между тем С. Плац, – при вынесении приговора суд учел мнение учителей, выступивших в твою защиту. По их убеждению, ты «очень молода», «наивна»,

не склонна к «саботажу» и «радикальным мыслям». Если отгородить тебя от влияния отца и включить в программу перевоспитания, ты вполне способна принести пользу обществу. Именно поэтому тебя телепортируют в Зону девять. Проучишься четыре года в первоклассном университете, приобретешь полезную профессию. Преподавателя, например. Если чувствуешь склонность к естественным наукам, поступай в медицинский, никто не против. Зона девять не такая урбанистическая, как восточные, но и не совсем захолустье, какие преобладают на севере и Среднем Западе. На карте она не обозначена и существует лишь в условиях особого доступа, поскольку современные Северные и Среднезападные Штаты, составлявшие Висконсин в эпоху Зоны девять, сильно отличаются от прежних. – Заметив мой растерянный, испуганный взгляд, С. Плац поспешно «свернула» лекцию. – Ладно, не забивай голову. Главное, тебя переводят в Зону девять в статусе «первокурсницы». Начнешь жизнь заново, с незапятнанной, сокращенной биографией. Возраст останется прежним, но звать будешь Мэри-Эллен Энрайт. По возвращении, если понадобится, оосовременим твои навыки. Вся необходимая информация содержится в Инструкциях. Вот, ознакомься.

Несмотря на внятную речь собеседницы, от меня упорно ускользала суть. На языке вертелся единственный вопрос: *смогу ли я напоследок встретиться с родителями? Попрошаться...*

С. Плац протянула мне плотный, точно пергамент, лист. Однако строчки расплывались, глаза заволокло предательской влагой.

– Надеюсь, вопросов нет? – С. Плац улыбнулась, вперив в меня стальной оценивающий взгляд, без намека на теплоту.

Внезапно меня осенило: *если не отреагирую должным образом, «испарюсь» на месте. У консультанта достанет полномочий.*

Растянув губы, я выдавила «спасибо».

Ни слова о родителях. Моя прежняя жизнь безвозвратно потеряна.

Часть II

Зона 9. Райский уголок

Девушка была какой-то чудной. Поначалу мы ее невзлюбили.

Она никогда не улыбалась. Всегда с каменным выражением лица. Молилась на коленях – сами видели! По ночам рыдала до полного изнеможения, прямо как мы, только хуже.

Первый семестр в университете Вайнскотии мы страшно тосковали по дому. Скучали по родителям, по семьям. Однако эта девочка страдала так, словно разом похоронила всю родню. И не желала успокаиваться – вдвойне странно.

Все мы были ревностными христианками, воспитанными преимущественно в протестантских традициях, и на полном серьезе верили в силу молитвы. По воскресеньям ходили в церковь, она – никогда.

А еще мы верили во взаимовыручку. И в улыбку сквозь слезы. Сперва ты плачешь, потом смеешься – открываешь коробку печенья, присланную мамой, и делишься с соседками, с гостями.

Ты плачешь, вытираешь слезы – и снова становишься собой.

Эта гордячка категорически отказывалась от угощения и от совместных прогулок по крутым тропинкам, ведущим в кампус, редко обедала с нами за одним столом. Она в одиночестве отправилась на день открытых дверей и ускользнула раньше всех, никем не замеченная. Единственная из обитательниц Экради-Коттедж не посещала вечерню.

Наверное, лишь она умудрилась «потерять» зеленую с пурпурным шапочку-бини – обязательный атрибут первокурсника. И только она не обращала ни малейшего внимания на презрительные окрики старшекурсников «Посторонись, салага!», смотрела сквозь них, точно не видела, и, сгорбившись, продолжала идти своей дорогой, словно лунатик, которого жалко будить.

Безымянная – прозвали мы ее между собой. Дружелюбное «Привет, Мэри-Эллен!» она неизменно пропускала мимо ушей, как будто не о ней речь, и торопилась убраться восвояси.

Мы знали только, что она тоже получает стипендию – вот, собственно, и все.

В Экради-Коттедж селили исключительно стипендиатов с намеком, что не видать нам учебы в университете Вайнскотии, если бы не государственные дотации и подработка при кампусе.

Безымянная трудилась на полставки в библиотеке геологического факультета.

Стипендиантки – девушки экономные. Наши учебники оставляли желать лучшего, некоторые рассыпались прямо в руках.

Мы одалживали друг у друга наряды, носили вещи, сшитые мамами и бабушками, а иногда своими руками.

Многие девочки состояли в молодежной организации «4-Н», трое триумфально выиграли первый приз на ярмарке штата в Висконсине.

Экради совсем не походил на классическое общежитие, вроде увитых плющом особняков, разбросанных на территории кампуса. Нет, пристанищем для бедных первокурсниц служил обычный деревянный дом с облупившейся краской и поблекшей от непогоды черепицей.

Зато у нас была потрясающая атмосфера!

На вечерних песнопениях мы затмевали всех соседей, хотя сильно уступали им в количестве – всего-то двадцать две студентки.

Двадцать две девушки, включая пресловутую Мэри-Эллен, которая сторонилась людей, как прокаженная.

Первую неделю мы очень скучали по дому. Но старались не унывать, держаться «приветливо».

Все, кроме Мэри-Эллен Энрайт.

Будь ее воля, она бы избегала даже нас, своих соседей! Вот только условия не позволяли. Мы вчетвером ютились в комнате на третьем этаже. Тесно, два маленьких окна.

Мэри-Эллен выбрала кровать в самом дальнем, глухом углу, отгороженном письменным столом.

Она шарахалась от нас. Силится улыбаться. Улыбка получалась, разумеется, искусственной, не затрагивавшей глаз. По ночам, думая, что мы спим, она опускалась на колени и иступленно молилась, а после рыдала, пока не проваливалась в сон.

* * *

Девушка походила на человека, который проделал долгий путь и толком не отдохнул с дороги.

«Может, она вообще из другой страны?» – гадали мы.

Но тогда из какой?

Разговаривала она тоже чудно. Если ее прижимали к стенке с вопросом «как дела?», она отвечала вполне – хотя и не в полной мере – внятно. В ее фразах слышались ритмы и гласные, характерные для английского языка, поэтому нам всегда удавалось если не разобрать, то, по крайней мере, догадаться, о чем речь.

А еще никто из нас не тараторил с такой скоростью.

Разумеется, все мы родились на Среднем Западе. Преимущественно в Висконсине. Как выяснилось, Мэри-Эллен приехала откуда-то с востока страны. Очевидно, там принято тараторить.

Наши края называют не иначе как райский уголок. Средний Запад! А университет Вайнскотии – уникальное заведение в самом сердце рая.

Насчет Мэри-Эллен ходило множество споров: христианка ли она?

Или иудейка?

Вплоть до приезда в Вайнскотию мы никогда не встречали иудеев. Однако здесь они попадались как среди преподавателей, так и среди студентов. Редко, но попадались.

У них даже имелось собственное братство и общежитие, где они мирно сосуществовали в среде себе подобных. С ума сойти!

В крупных городах штата, вроде Милуоки и Мэдисона, евреи безусловно присутствовали. Однако мы приехали в основном с северных окраин и из захолустьев – потомки немцев, скандинавов, шотландцев, ирландцев и, разумеется, англичан.

Вдобавок Мэри-Эллен разительно отличалась от нас внешне. Сложно объяснить, но мы все это подметили. Ее светло-русые пряди топорщились в разные стороны – лохматые, непричесанные. Она не завивала локоны, не делала кудри и частенько не мыла голову. Кончики не мешало подстричь и подровнять. Кроме того, новенькая не забирала на ночь волосы, не накручивала бигуди. Никогда.

Вообще не ухаживала за волосами. А бигуди, похоже, увидела впервые в жизни!

Еще она не знала, как пользоваться телефоном – не умела набирать номер указательным пальцем. Из всех обитательниц Экради-Коттедж Мэри-Эллен единственная не реагировала, если рядом раздавался звонок; помню, мы долго спорили, а телефонизирован ли ее дом?

Еще она не курила! И постоянно кашляла от нашего дыма – кашляла вздохом, до слез, – но при этом никогда не жаловалась, хотя именно так поступил бы любой некурящий. На ее лице было написано страдание. Можно сказать, оно вьелось в ее лицо навсегда.

Крась она губы – была бы весьма симпатичной, а так серая мышь, парень пройдет мимо и не заметит. Мы, например, щеголяли ярко-красной, даже алой помадой! Мэри-Эллен не удосуживалась элементарно выщипать брови – первоочередная вещь в погоне за красотой.

Она сильно напоминала вчерашнюю пациентку госпиталя. Словно изнурительная болезнь иссушила ее тело до костей, сделала кожу пепельно-бледной и какой-то зернистой, – казалось, на ощупь она шершавая, как наждак. Запорожающие темно-карие, шоколадного цвета глаза портила привычка постоянно щуриться, точно от яркого света. Вдобавок Мэри-Эллен упорно прятала взгляд, будто провинилась в чем-то.

В придачу к курению она не разделяла нашу страсть к картофельным чипсам, глазированным пончикам, сырным палочкам, M&M's и соленому арахису, который мы уплетали пачками, пока корпели над уроками, и пальцы потом покрывались солью. Брезговала Мэри-Эллен и вяленным мясом, не ела ни говядину, ни свинину, ни курицу, а питалась исключительно рыбной запеканкой. Видимо, поэтому была невероятно худой. Плоскогрудой, со щуплыми мальчишескими бедрами, ей, в отличие от нас, не приходилось пыхтеть и потеть, втискиваясь в грацию.

Она даже не знала, что это. Просто однажды увидела, как Триши одевается на вечеринку, и чуть не умерла от страха!

Стипендиатки из Экради-Коттедж учились как проклятые. Мы штудировали учебники, не разгибая спины, боролись за успеваемость, дабы не лишиться стипендии. Однако Мэри-Эллен трудилась вдвое, если не втрое усердней. По-моему, ее не интересовало вообще ничего, кроме учебы и работы в библиотеке!

Устроившись за столом, спиной к соседкам, она углублялась в книги и неестественно замирала, как манекен, только шея и плечи выдавали крайнее напряжение.

Словно силилась сдержать рвущийся наружу плач или крик. Сидела возле согнутой дугой лампы, отбрасывавшей яркий ореол света на столешницу, занимаясь до полного изнеможения, – если никто из соседок не возражал против света.

На первых порах мы легко засыпали даже при включенной лампе. Но со временем, устав от причуд соседки, мы начали роптать, и Мэри-Эллен перебралась вниз, в общий учебный зал, где сама не мешала никому и никто не мешал ей. Иногда она ночевала прямо там, на кушетке, и нам не приходилось полночи слушать ее нытье!

С Мэри-Эллен явно творилось что-то неладное. Хотя, судя по затравленному взгляду, по тому, как она шарахалась от нас, как от прокаженных, складывалось впечатление, что неладное творилось с нами.

«Может, ее отчислят?» – надеялись мы в глубине души. Или переведут в другое место. Согласна, не самые благородные и совсем не христианские мысли. Но чего ожидать от вчерашних школьников? Вероятно, Мэри-Эллен – несчастная, доведенная до отчаяния – внушала нам страх, поскольку все мы были на грани нервного и физического срывов, впервые ощутившись вдали от дома в университете Вайнскотии одновременно с девятью тысячами и четырьмя сотнями студентов.

Спустя буквально пару недель наши ряды значительно сократились. Отсеивались преимущественно девочки, но и парни тоже – они ломались, не смыкали глаз, безостановочно плакали и чувствовали себя потерянными.

Надо отдать должное, Мэри-Эллен из кожи вон лезла, лишь бы не попасть в их число. Она жутко страдала, и казалось (по крайней мере, нам), вот-вот сорвется, но в ней ощущалось недюжинное упрямство – так калека не осознает собственную неполноценность или заика отрицает проблемы с заиканием.

И вот еще какая странность: из всех обитательниц Экради-Коттедж Мэри-Эллен Энрайт единственная не получала писем.

Самое же странное – она их и не ждала, иначе не проходила бы так равнодушно мимо почтового ящика.

Мы спрашивали коменданта общежития, мисс Стедман, как помочь девушке, как скрасить ее одиночество. Та посоветовала оставить Мэри-Эллен в покое, хотя бы на время, поскольку приехала она издалека – откуда-то из восточных штатов вроде Нью-Йорка, Нью-Джерси или Массачусетса – и тосковала по дому куда больше нас, чьи семьи жили в пределах штата, и мы могли навещать их каждые выходные на автобусе.

– А она, часом, не еврейка? – допытывались мы.

Вряд ли, протянула мисс Стедман, ведь Энрайт не еврейская фамилия.

Просто впечатление, что она не местная. В смысле не американка, упорствовали мы.

Мисс Стедман нахмурилась – последняя ремарка пришлась ей явно не по вкусу.

А еще нам удалось вытянуть, что Мэри-Эллен единственная, с чьим досье комендантша ознакомилась не в полном объеме. В папке, переданной куратором женского потока, содержались весьма скудные сведения, а некоторые строки были вымараны черной краской.

* * *

Хильда Макинтош взахлеб рассказывала, как в первую неделю занятий поднялась к себе на третий этаж и застала у своего стола Мэри-Эллен – та недоуменно таращилась на ее печатную машинку – портативный ремингтон, гордость Хильды. Машинки были далеко не у всех, и обделенные студентки отчаянно завидовали товарке!

Однако, по словам Хильды, Мэри-Эллен разглядывала агрегат «без тени зависти». Более того, она смотрела на ремингтон с искренним изумлением! Как на восьмое чудо света.

Тогда Хильда мягко, чтобы не пугать соседку (впрочем, та все равно испугалась, вздрогнула и заморгала), предложила: если хочешь, пользуйся. Бумага вот.

Хильда заправила в машинку листок и для наглядности быстро застучала по клавишам.

Мэри-Эллен не пошевелилась.

– Поняла, как печатать? Надо только запомнить расположение клавиш. С опытом приспособишься. Я выучилась еще в средней школе – ничего сложного.

Новенькая легонько коснулась кнопки, словно ей не хватало сил прожать до конца, и пролепетала «не работает».

– Конечно, работает, – засмеялась Хильда.

А Энрайт лишь пялилась на заднюю стенку машинки, точно искала недостающую деталь, и бормотала что-то вроде «но ведь она не подключена к... к...».

Хильда снова расхохоталась. Действительно, забавно! Как будто объясняешь родственнику из глухой провинции устройство унитаза.

– Гляди. – Макинтош уселась за стол и с бешеной скоростью застрочила по клавиатуре.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА

ЭКРАДИ-КОТТЕДЖ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВАЙНСКОТИИ

ВАЙНСКОТИЯ-ФОЛЗ, ВИСКонсин

США

ВСЕЛЕННАЯ

От увиденного Энрайт лишилась дара речи: стрекот клавиш, отпечатанные буквы, складывающиеся в слова и предложения. У нее будто перехватило дыхание. Гул ремингтона пугал ее до дрожи. Будто она не могла вынести – вынести чего? Хильда терялась в догадках.

Хильда снова попробовала приобщить Мэри-Эллен к чуду техники, но та испуганно отпрянула. Внезапно она побелела как мел и, закатив глаза, рухнула на пол.

Печатная машинка

– Мэри-Эллен? – раздалось над ухом.

Одна из этих подкралась ко мне со спины, напугав до дрожи в коленях. Доносчики вроде моего брата Родди были повсюду, в этом я не сомневалась. Только не могла понять, веду ли себя как преступница или, наоборот, оправдываю ожидания в качестве обладателя статуса СкИнда.

Ко мне обращалась некая Хильда Макинтош. С круглым, как луна, лицом и приветливой улыбкой. Каштановые волосы стрижены под пажа. Я боялась поднять голову, боялась посмотреть ей в глаза из страха наткнуться на пустой взгляд, крохотный, размером с зернышко, зрачок.

Неужели очередная доносчица? Знает ли она, кто скрывается под именем Мэри-Эллен? Следит ли за мной?

В Зоне 9 меня постоянно преследовали, но делали это весьма искусно – попробуй угадай, специально или непреднамеренно они шастают за тобой по пятам.

Пришлось бежать из аудитории. Я задыхалась в толпе сокурсников (на расположенных амфитеатром ступенчатых рядах восседало порядка шестидесяти шести студенческих особей), пока профессор на кафедре разглагольствовал про основы логики. *У равен X. X эквивалентен M. Как соотносится M к Y?*

Я не осмелилась пересечь лужайку – открытое, уязвимое пространство – и, словно раненый зверь, петляла по задворкам и узким аллеям, стараясь не привлекать к себе внимания.

Боялась лишний раз поднять голову и обнаружить чей-то пристальный взгляд.

В период изгнания СИнд находится под выборочным и непрерывным контролем.

Нарушение любого из вышеперечисленных правил карается немедленной Ликвидацией.

Путь длиной в милю лежал через холмы вниз, к Экради-Коттедж, где можно укрыться на третьем этаже в комнате, отведенной Мэри-Эллен Энрайт.

Именно там находился эпицентр зоны отчуждения 9. Моя личная тюрьма. Однако там я чувствовала себя в безопасности.

Юркнув в боковую дверь, я крадучись поднялась по лестнице с тихой надеждой, что не нарвусь на кого-нибудь из девушек. Протыгнула мимо офиса комендантши на первом этаже, где створки всегда нараспашку в приветственном «Добро пожаловать» – подозреваю, это очередная уловка информаторов.

Предательство Родди жгло меня адским огнем. Из памяти почти полностью стерлись чудовищные допросы в застенках Дисциплинарного отдела, однако я отчетливо помню то потрясение, шок и вместе с тем ранодушное: *«Родди ненавидел меня с детства. Он всегда желал мне Изгнания или чего похуже».*

Надеюсь, в один прекрасный день я снова встречу брата – и прощу его. Вот только... Слезы наворачивались от мысли, что он не нуждается в моем прощении.

Но если я встречу Родди, значит встречу и родителей. Как бы мне хотелось в это верить!

Близился полдень – время, когда Экради обычно пустует.

Я мечтала стать невидимой и задыхалась, если меня замечали.

На первых порах мне и в голову не приходило искать других изгнанников в Зоне 9, хотя они были наверняка. Словно заключенный в тесной камере, который не подозревает о существовании товарищей по несчастью, не сочувствует им, я думала и пеклась только о себе.

Взбежала по ступенькам и с трудом перевела дыхание, пот лил градом. На дворе стоял душный, жаркий сентябрь, а кондиционеры в Экради отсутствовали.

В Зоне 9 кондиционеры вообще попадались редко. Очевидно, система охлаждения воздуха пока не вошла в моду. А еще, к моему величайшему отвращению и ужасу, в помещениях было не продохнуть от сигаретного дыма.

Поразительно, но все соседки дымили напропалую! Все до единой. Как будто не знали об угрозе рака – или не придавали значения. Хуже того, всякий раз, принимаясь кашлять, я ловила их недовольные гримасы, но ничего не могла с собой поделать. Сколько себя помню, в САШ-23 курение воспрещалось категорически. (А табакозависимым предлагалось вводить никотин внутривенно.)

Я невольно задумывалась: может, это и есть наказание? Пассивное курение. Необходимость гадать, кем в действительности являются мои соседки. Почему меня поселили в комнате 3С именно с этими индивидами. Девиз САШ-23 – «Никаких случайностей, только алгоритмы». Я не верила что карательная машина госбезопасности может дать сбой, однако вполне допускала, что кто-то (если не все) из соседок мог оказаться информатором, приставленным к Мэри-Эллен Энрайт.

А вдруг среди них притаился андроид? Но кто?

* * *

Какое облегчение очутиться одной в своей комнате.

(Одной ли – вот вопрос.)

От вездесущего сигаретного дыма, как и от запаха тел, щипало нос.

Зато появился шанс досконально изучить диковинку, принадлежащую моей соседке, – громоздкий агрегат с клавиатурой, именуемый печатной машинкой.

Разумеется, я слышала о таких, натыкалась на фотографии. Если не ошибаюсь, печатная машинка была у родителей (а может, у бабушки с дедушкой). Однако мне не случалось видеть во плоти этот пережиток докомпьютерной эры.

В трансе я уставилась на странный аппарат. Почему-то от одного его вида становилось не по себе.

Как сильно, буквально до тошноты, мне не хватало любимого ноутбука. А еще сотового, светящегося прямоугольничка – удобного, компактного, легко уместившегося в ладони.

Никак не могла взять в толк предназначение машинки. Неужели это настолько примитивный агрегат, способный лишь *печатать*?

Ни интернета? Ни электронной почты? Ни СМС-сообщений? Просто *аппарат для печати*?

Даже разглядывать нечего! Экран и тот отсутствовал.

С другой стороны, это нелепое устройство не выходило за рамки собственной эпохи. Обычная машина, не более.

За печатной машинкой ты обречен томиться наедине с самим собой. Никакой надежды сбежать в киберпространство. В Зоне 9 о киберпространстве мне приходилось только мечтать.

Сложно поверить, но в 1959-м киберпространства не существовало в принципе.

Однако меня продолжал грызть червячок сомнения. Ведь нам тысячу раз объясняли: киберпространство – величайшее достижение двадцать первого века, поскольку оно автономно, обособленно и (теоретически) независимо от людей, а значит, не подчиняется законам пространства и времени.

Впрочем, я не специалист. Для понимания всех тонкостей необходимо хорошо разбираться в математике, астрофизике и передовых компьютерных технологиях, а все научные данные, между прочим, хранятся в САШ-23 под грифом «совершенно секретно»...

– Мэри-Эллен? – раздалось над ухом.

Абсолютно бесшумно ко мне приблизилась улыбающаяся соседка по имени Хильда. От страха сердце раненой птицей забило в груди.

Хильда, ясное дело, держалась очень приветливо. Как и остальные. Их глаза пожирали меня, точно полчища голодных муравьев. Запоминая, оценивая. Составляя свежий донос для отдела госбезопасности.

Бесцветным среднезападным голосом (пытка для моих ушей!) девица с гордостью поведала, что ее машинка – «почти новенький ремингтон».

– Пользуйся, если хочешь, – предложила она. – Бумага вот!

Хильда заправила в машинку чистый лист, подкрутила его в нужное положение, а после продемонстрировала, как именно печатать: ее ловкие пальцы в случайном порядке замелькали по клавиатуре.

Я не пошевелилась, ноги словно приросли к полу.

Пыталась заговорить, но язык вдруг превратился в разбухший комок ваты.

– Видишь? – напутствовала Хильда. – Надо только запомнить расположение клавиш, и можно печатать не глядя. Я выучилась еще в средней школе – ничего сложного.

Я коснулась первой попавшейся буквы – безрезультатно.

– Не работает.

Девушка расхохоталась. Не зловеще, а по-доброму – так старшая сестра потешается над младшей.

– Конечно, работает, Мэри-Эллен! Смотри.

Мэри-Эллен. Она произнесла мое имя с издевкой или дружелюбно? Хотелось бы верить, что эта особь женского пола ничем не отличается от меня – обычная девица, и вдобавок искренне ко мне расположена. И совсем не хочется предполагать, будто под маской милой девчушки скрывается агент госбезопасности или, как вариант, голограмма студентки, управляемая дистанционно агентом, который задумал поиздеваться надо мной.

Смущала и близость Хильды. Она стояла почти вплотную, чем, собственно, грешили и другие особи, вынуждая меня опасливо пятиться. В САШ-23 преобладала иная модель поведения: по неписаному правилу, мы всегда держались на расстоянии. После ареста и душераздирающей сцены казни я вздрагивала, если ко мне подходили слишком близко. Кожа моментально покрывалась мурашками.

Хильда была такой приветливой, милой и совершенно не замечала моей настороженности. Про таких обычно говорят «симпатичная», а про таких, как я, – «мышь». Ниже меня минимум на два дюйма, но значительно полнее, с развитыми формами – не чета моим выпирающим костям, – она носила жесткий бюстгальтер (лифчик) из плотной, прошитой канителью ткани. Надо сказать, под одеждой лифчик смотрелся нелепым придатком. Я непроизвольно отпрянула, боясь, как бы Хильда ненароком не задела меня своими остроконечными грудями.

Она уселась за стол в слегка вычурной, картинной позе фотомодели с плаката и в доказательство простоты процесса принялась быстро, безукоризненно печатать:

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА
ЭКРАДИ-КОТТЕДЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВАЙНСКОТИИ
ВАЙНСКОТИЯ-ФОЛЗ, ВИСКОНСИН
США
ВСЕЛЕННАЯ

– Поняла? Теперь пробуй.

Двадцать третье сентября 1959 года! Уму непостижимо – или все-таки?..

Нет, все верно. Я нахожусь в Зоне 9, в Изгнании. Надо смириться, приспособиться. Вот только...

Внезапно меня охватил панический страх: перенестись на восемьдесят лет в прошлое, когда еще ни я, ни мои родители не появились на свет. Никто в целом мире не знал меня, не любил, не окликнул бы в толпе. Нет никого, лишь крошечное, беспросветное одиночество.

– Мэри-Эллен? С тобой все хорошо?

С выражением искренней, сестринской заботы Хильда потянулась ко мне, хотя я испуганно шарахнулась в сторону.

– Не прикасайся. Не...

От приступа паники закружилась голова. У ног разверзлась черная бездна и поглотила меня.

Исчезнувшая

Помогите! Помогите, мамочка, папа...

Мне так вас не хватает.

Меня одолевал неутолимый голод, жажда вернуться домой. Я стремилась туда с такой силой, словно незримая рука толкала вперед в отчаянном, головокружительном порыве.

Я обречена умереть в одиночестве на чужбине.

* * *

Меня привязали – зафиксировали запястья, лодыжки, голову, дабы избежать «членовредительства».

Болезненный укол в нежную кожу на сгибе локтя, холодная жидкость, хлынувшая в вену. Механическая процедура, какую они проделывали сотни раз.

Чей-то бесстрастный голос, сообщающий: *объект отключается.*

Я превратилась в затухающий огонек. Слабый луч света становился все меньше, все прозрачнее.

И вдруг – резко – меня не стало.

Дематериализация объекта. Телетранспортиция молекулярных компонентов. Перенос объекта в Зону 9.

* * *

– Мэри-Эллен Энрайт, верно?

Вопрос адресовался не мне. Однако из положения полулежа я могла сочувственно наблюдать за своим безжизненным телом.

Словно зомби. Изгнанница.

Интересно, догадывается ли зомби о том, что он зомби? Какими извилинами шевелит?

Умора! Но смех комком слизи застрял в гортани.

От мертвенного холода кровь циркулировала медленно, точно ртуть.

Я была совершенно растеряна, сбита с толку. Мысли путались. Мозг поврежден. Доносились веселые шуточки.

Место называлось НСБ – Нейрохирургическая служба безопасности. В средней школе о ней ходили разные слухи. Запретная тема.

До телетранспортиции мне имплантировали микрочип в область гиппокампа – участок мозга, отвечающий за обработку воспоминаний. По крайней мере, выглядело все именно так. Вряд ли мне это приснилось.

Мне выбрили участок головы, удалили похожую на кусочек пирога часть черепа и вставили микрочип. Процедура прошла на удивление безболезненно, ведь зомби не чувствуют боли. Даже выпиленная теменная доля и наполовину содранный скальп не вызывали никаких эмоций. Зато я едва сдерживала слезы от неимоверной благодарности – у меня хотя бы не отняли родителей, позволили сохранить память о них.

В Изгнании цепляешься за то немногое, что у тебя осталось, что (пока) не успели отнять.

Из царства холода меня, вместе с другими объектами телетранспортиции, погрузили в фургон, напоминавший карету «скорой помощи».

Ехали медленно, не включая сирену.

Ничего сверхъестественного, обычная рутина.

Фургон останавливался несколько раз, прежде чем добрался до моего пункта назначения. Затуманенный рассудок плохо воспринимал происходящее. Я пыталась поговорить с родителями, отчетливо видела их лица, омраченные тревогой. Убеждала их: через четыре года мы снова встретимся. Не забывайте меня!

Я понятия не имела, сколько мне лет – семнадцать или семь.

Не представляла, где нахожусь и какой сейчас год.

Фургон миновал огни большого города и устремился в темноту окраин. В небе горели звезды – огромные, яркие, – никогда не видела таких в прежней, утраченной жизни.

Воздух в Зоне 9 был чище и буквально обдирал горло. Ночное небо не затягивал грязный смог.

Узников фургона крепко привязали к носилкам, не получалось повернуться, чтобы рассмотреть соседей. К тому же все как один усталые, изнуренные долгой дорогой.

Полагаю, не всем объектам телетранспортировки довелось пережить эту поездку. Я и сама в первые минуты не понимала, жива ли или уже умерла.

Объект по соседству панически задыхался. Наверное, из-за лекарств. Однако я не могла повернуть головы – ее надежно зафиксировали ремнями. Я лежала смирно и ровно дышала, как учил папа перед лицом опасности. Помню, как подумала: *теперь его точно испарят*. А еще стыдливое облегчение от мысли: *испарят его, а не меня*.

На следующей остановке настал мой черед.

Меня отвязали, рывком привели в горизонтальное положение.

– Мисс, шевелите ногами, вы же не инвалид. Мозг посылает сигнал – левая нога, правая нога. Поднимите голову.

Я сумела пройти несколько ярдов и рухнула как подкошенная.

Наутро проснулась на жесткой койке, укрытая тонюсеньким одеялом. Повязка с головы исчезла, ремни, стягивавшие запястья и лодыжки, пропали. Мысли прояснились.

Мне рассказали: я студентка первого курса государственного университета Вайнскотии, расположенного в Вайнскотия-Фолз, штат Висконсин. Приехала поздно вечером и свалилась с лихорадкой, поэтому вместо общежития очутилась в лазарете. За ночь болезнь благополучно миновала, и скоро меня выпишут.

– Мисс Энрайт, вещи мы доставили в общежитие.

– Спасибо.

– Вас поселили в Экради-Коттедж, Саут-Юниверсити-авеню.

– Благодарю.

Экради-Коттедж. Саут-Юниверсити-авеню. Предстояло отыскать пункт назначения, чем я и занялась.

Меня обуревали надежды! Предвкушение накатывало волнами, разбавляя парализующие приливы страха.

Самое главное – мои родители живы, и спустя четыре года мы непременно воссоединимся. Семья даже не «испарилась» из памяти.

Да к тому же Мэри-Эллен Энрайт отличалась завидным здоровьем и ухитрилась не погибнуть при телетранспортировке.

Если ей и повредили мозг, то несущественно.

А несущественные травмы быстро заживают.

Однако стоило мне подняться, как ноги подкосились, и я чудом не упала, – к счастью, крепкая девушка в белоснежной форме медсестры успела поймать меня за талию.

– Держись, Мэри-Эллен! Дальше сама, сама.

Она засмеялась. На долю секунды наши взгляды встретились.

У медсестры были светлые, почти белые волосы, забранные в пучок.

Слева на груди висел бейджик «Ирма Кразински».

Медсестра знает, кто я, но она мне не враг.

Позже у меня промелькнуло: вероятно, мы обе очутились здесь не по своей воле и сумеем найти общий язык.

* * *

В вестибюле общежития М.-Э. Энрайт дожидалась здоровенная картонная коробка.

– Мэри-Эллен, верно? Это для тебя, только принесли.

Коробка размером три на четыре фута была набита до отказа и буквально трещала по швам.

Картон сильно помялся, словно багаж везли издалека под проливным дождем. Скотч перетягивал бока замысловатым узором, переплетаясь крест-накрест, точно паутина. Разрезать ее долго не удавалось даже ножницами, любезно одолженными комендантшей.

– Бог ты мой! Кто-то очень постарался, чтобы ты получила все в целости и сохранности.

Внутри оказалась одежда: несколько юбок, блузки, свитера, брюки, темно-синий шерстяной джемпер, куртка на овчине, фланелевая пижама, белое хлопковое белье, носки, пара кроссовок и коричневые туфли, которые комендантша окрестила «мокасинами». Еще там лежали невиданные мною прежде бермуды, блейзер и длинные, прозрачные чулки. Явно поношенные, мятые вещи ощутимо пахли затхлостью.

Ошеломленная, растерянная, я разглядывала содержимое коробки, гадая, у какого безымянного трупа мои каратели позаимствовали гардеробчик.

– Помочь тебе отнести все наверх? Коробку лучше пока оставить здесь, а вещи донести в руках...

– Нет, спасибо. Я справлюсь.

Комендантша, мисс Стедман, была на редкость любезна, однако я настойчиво избегала смотреть на нее. Мне не хотелось разговаривать с ней дольше положенного, как и проводить с ней даже минуту в отведенной мне комнате. Не хотелось, чтобы она видела это барахло вблизи или заподозрила, что я понятия не имею о предназначении некоторых вещей. Не хотелось, чтобы она и дальше вдыхала отвратительный, застарелый запах, исходивший от коробки.

А еще мне не хотелось становиться объектом сочувствия. *Бедняжка! Она и впрямь еле сводит концы с концами.*

Кроме того, манера речи мисс Стедман непривычно резала слух. Говорила она определенно по-английски, но очень медленно, а гласные произносила исключительно в нос.

На дне коробки оказался конверт с отпечатанным «М.-Э. Энрайт». Я решила вскрыть его позже, оставшись одна в комнате.

Нагруженная вещами, я поднялась в комнату 3С. Где-то на полпути перехватило дыхание – сказывалась долгая дорога. Мисс Стедман с тревогой наблюдала за мной, но не предпринимала попыток помочь.

Внутри конверта обнаружилось пять новеньких, хрустящих двадцатидолларовых купюр и плотный лист бумаги, озаглавленный «ИНСТРУКЦИИ».

Больше ничего. Помню легкое, мимолетное разочарование: я мечтала – точнее, надеялась, – что С. Плац прониклась ко мне искренней симпатией.

Приезд первокурсников ожидался только на следующий день – момент для Изгнания лучше не придумаешь. Подозреваю, С. Плац приложила руку к составлению графика.

Комната 3С располагалась под самой крышей. Просторное помещение с двумя слуховыми окошками и скошенным потолком. Голые половицы, голые стены, испещренные дырками под картины и крючки.

Четыре кровати, четыре стола – у меня будет три соседки!

По правде сказать, не думала, что окажусь в компании трех девушек.

К счастью, комната не таила сюрпризов. Ничего примечательного, если не считать скошенного потолка – стоит чуть зазеваться, и шишка на лбу обеспечена.

Я быстро осмотрелась – непроизвольный рефлекс в Зоне 9: убедиться, что тебя не подстерегает опасность. На первый взгляд ничего пугающего или сверхъестественного. Обычная комната без признаков индивидуальности.

Я выбрала кровать в дальнем углу под самым скатом крыши, оставив лучшие места, рядом с окнами и просторными шкафами, соседкам, а то еще обидятся.

– Мэри-Эллен! Ты точно решила спать в углу? – восклицали они с подкупающим участием.

С соседками мне повезло – приятные. Наверное. Таращились на меня с любопытством, но не задирали, по крайней мере нарочно.

Совершенно чужие друг другу, внешне они походили на сестер. Все белые – ЦК-1. Все из глубинки Висконсина, окончили среднюю школу. У всех абсолютно одинаковый тягучий среднезападный акцент. Их имена моментально перепутались в голове, словно настойчивый гул насекомых.

Возможно, одной из них предстоит стать моим палачом.

– Мэри-Эллен, когда ты приехала? Вчера?

– А из какого штата?

– Родители привезли? Они еще здесь?

– Мэри-Эллен, прости! Мы тебя совсем стеснили.

До самого позднего вечера в комнате толпились родители, родственники, младшие ребята – общими усилиями они помогали сокурсницам устроиться на новом месте.

Я поспешила спрятаться. Меня угнетали чужие голоса – громкие, самоуверенные, довольные, выводящие протяжные гласные. Но я смогла сдержать слезы.

Вечером вернулась в комнатку под крышей, ведь больше идти было некуда. Отныне Экради-Коттедж стал моим домом.

* * *

Мало-помалу выяснилось: новый гардероб совершенно не подходил по размеру. Вещи из коробки оказались либо слишком маленькими и узкими, либо слишком короткими, но в основном большими. В подмышках свитеров желтые полумесяцы пота. Оборванные или болтающиеся на нитках пуговицы. Сломанные молнии. Темные пятна – надеюсь, не крови, а еды, – на юбках.

В своих нарядах, точно позаимствованных из Армии спасения, я напоминала нищенку. Обитательницы Экради-Коттедж шушукались за моей спиной, однако я не роптала и благодарила судьбу даже за столь скромный дар.

Особенно мне нравилась клетчатая юбка (именуемая шотландкой), чьи полы скреплялись огромной, изящного рисунка медной булавкой; темно-бордовый джемпер с горлышком – похожий, только нужного размера, был у меня дома; белая блузка с длинным рукавом и кружевным воротом, который придавал мне серьезный, степенный вид, словно говоря: *смотрите, какая хорошая, милая, скромная девочка. Не смутьянка, не скандалистка. Пожалуйста, проявите к ней милосердие!*

В прежней, утраченной жизни я не носила ни блузки, ни кружева – не припомню, чтобы мне в принципе встречалось подобное сочетание.

Юбкам и платьям я предпочитала джинсы. Две-три пары не из самых дорогих. Просто, удобно, и не нужно ломать голову, в чем пойти.

В Зоне 9 девочки надевали на занятия юбки или платья. Сверху так называемый комплект – кардиган под цвет свитера с коротким рукавом. На ноги сокурсницы периодически

натягивали нейлоновые чулки, которые у меня почему-то рвались по шву, несмотря на все уловки.

Друзья умерли бы со смеху, увидев меня в кружевной блузке, в нейлоновых чулках, в клетчатой шотландке с булавкой, скреплявшей по́лы. *О боги, какая беда приключилась с нашей Адди?! Это вообще она?*

* * *

Не самое приятное зрелище – электроды в головах соседок.

Впрочем, конечно, не электроды, уж я-то точно знаю. Бигуди.

– Мэри-Эллен, завязывай! Неужели ты никогда не завивалась на ночь?

Громкий смех. Совсем не злорадный. Хочется в это верить.

Однако я упорно не понимала, зачем наматывать волосы на пластиковые «бигуди» перед сном.

Сначала нужно сбрызнуть шевелюру специальным пахучим раствором. Тщательно расчесать, разделить на пряди, каждую накрутить на бигуди (трех видов: крупные розового цвета, средние синего и маленькие – светло-зеленого), а бигуди заколоть шпильками.

Естественно, стоило лечь на подушку, как бигуди вонзались в кожу, а шпильки норовили проткнуть ее насквозь.

Наутро у модниц нередко случалась легкая мигрень! Но блестящая прическа под пажа оправдывала мучения.

Однажды я решила попробовать. Полночи не сомкнула глаз. Постоянно просыпалась в холодном поту – мне снились кошмары о вживленных в черепную коробку электродах. К утру большая часть бигуди вывалилась, и моя прическа выглядела немногим лучше обычного – те же безжизненные, растрепанные пряди.

– Мэри-Эллен, в следующий раз я сама тебя накручу, – заявила Хильда. – Даже не пытайся увиливать.

Студентка

До чего одиноко! Меня словно выпотрошили.

Вместо сердца – зияющая пустота, которую ничем не заполнить.

Все первокурсницы отчаянно скучали по дому, девочки из общежития нередко плакали вдали от родных. Однако их тоска была сродни утонченному страданию, возможностью в полной мере осознать глубину своей любви к семье. Они звонили родственникам (преимущественно в воскресенье вечером, по сниженному тарифу) и сами с нетерпением ждали звонков. Отправляли и получали письма. Мамы присылали дочерям выпечку, которой с лихвой хватало угостить соседей и друзей. Да и от дома их отделяло не так уж много – всего пара часов езды на машине.

Постепенно мною овладевали уныние и стыд – я единственная не получала никаких весточек: ни звонков, ни посылок. Хуже всего, что обитательницы Экради-Коттедж неприкрыто мне сочувствовали и в недоумении перешептывались за спиной.

Впрочем, в мире множество настоящих сирот – без родственников, без семьи. Нишу, куда определили Мэри-Эллен Энрайт, вряд ли назовешь пустой.

Интересно, доведется ли мне отыскать себе подобных? А может, наоборот, они отыщут меня?

Отныне я студентка государственного университета Вайнскотии, штат Висконсин, набор 1959 года. Планирую специализироваться на гуманитарных науках.

Если это и есть Изгнание, то далеко не самое страшное.

Самое страшное – смерть.

Сколько бы я отдала, чтобы мои родители знали – их дочь (пока) жива. Жива ли? Временами меня терзали сомнения.

Сколько бы я отдала, чтобы узнать, живы ли (еще) мои родители в САШ-23 и удастся ли нам встретиться спустя четыре года?

* * *

Государственный университет Вайнскотии занимал солидную территорию провинциального городка Вайнскотия-Фолз, расположенного на северо-востоке Висконсина, в часе езды от административного центра Милуоки. Из девяти тысяч студентов основная масса приехала с окрестных ферм и деревень. Не случайно самыми популярными были факультеты сельского хозяйства и животноводства.

К числу других фаворитов относились кафедра педагогики, школа бизнеса, медучилище и инженерный факультет.

Тысячи человек связаны воедино раскидистым кампусом! Впрочем, большую часть времени здесь царили тишина и покой. Утром, под аккомпанемент колокольного звона часовни, студенты спешили крутыми тропами на занятия, кто стайками, кто по двое, кто в одиночестве. *Не отставай! Займи место. У тебя есть имя, личность. Выбора нет.*

Какое блаженство слиться с безликой толпой!

Мэри-Эллен записалась на пять курсов, три пропедевтических – введение в английскую литературу, в психологию и философию. Это были лекционные курсы для широкого круга слушателей с обязательной срезовой проверкой знаний раз в неделю. В больших аудиториях так легко стать невидимой и думать, будто тебя не замечают.

Если в кампусе или на занятиях я встречала соседку по Экради-Коттедж, зрение моментально расплывалось, взгляд заволакивало пеленой. Если девушка махала мне или улыбалась, я притворялась, что не вижу. И вообще старалась как можно меньше бросаться в глаза.

Со временем меня оставили в покое. На «Введении в психологию» нам рассказывали о феномене оперантного угасания: когда сокращается подкрепление, реакция постепенно затухает.

Мною двигало единственное желание: выжить. Преодолеть тяготы первых недель, первого семестра, первого года; пережить четыре года, добросовестно отбыть срок Изгнания и телетранспортироваться обратно к семье.

Я старалась не думать, что безропотное следование Инструкциям не гарантирует свободы. Не задумывалась и о будущем, кроме как в контексте хорошего поведения и награды.

В глубине души теплилась надежда, что С. Плац не обманула и рано или поздно мое Изгнание закончится.

Впрочем, от меня при любом раскладе требовалось неукоснительно соблюдать Инструкции. Я зазубрила их наизусть, хотя и не совсем понимала пункт, запрещающий делиться «знаниями о будущем».

Вживленный микрочип блокировал большинство воспоминаний о прошлом (или представлений о будущем по меркам 1959 года). В таком состоянии сложно «предвидеть», а уж тем более прогнозировать. Попытки вспомнить главные достижения минувших десятилетий: открытие ДНК, развитие молекулярной генетики, картирование мозга, исторические события, за исключением патриотической истории, – так и не увенчались успехом. Как будто всматриваешься в запотевшее стекло.

Видны лишь контуры, но в деталях разглядеть невозможно.

В первые мучительные дни было особенно горько осознавать, что когда-то я считалась лучшей ученицей и гордостью школы.

* * *

Относительно запрета на поиск «родственников» – понятия не имела, с чего начать.

В рамках переселенческой кампании, захватившей страну, когда я еще училась в средней школе, сотни тысяч – миллионы? – людей сгоняли с насиженных мест и распределяли по малонаселенным районам, которые правительство не чаяло освоить. Под программу попали родители мамы и папы – наши с Родди бабушки с дедушками; первых переправили на запад Небраски, вторых – в северный Мэн. Однако я понятия не имела, где они жили до этого. А уж тем более в 1959 году.

Кроме того, мне категорически запрещалось покидать десятимильный радиус «эпицентра».

Сразу после приговора я решила стать идеальной студенткой – идеальной первокурсницей. Буду сидеть тише воды ниже травы. Ни словом, ни делом не проявлю ни малейшего любопытства. Не заведу душевных подруг – ни при каком раскладе! Я наметила программу и не собиралась от нее отклоняться.

В первую неделю учебы преподаватели устраивали перекличку. Помню, с каким трепетом вслушивалась в поток чужих имен, среди которых, как кукушкино яйцо в гнезде ничего не подозревающей птицы, притаилось навязанное мне Энрайт, Мэри-Эллен. Оно звучало настолько фальшиво и нелепо, что я с трудом заставляла себя поднимать руку и лепетать «здесь». Впрочем, никого это не настораживало. Заурядные фамилии вроде Энрайт мгновенно выветриваются из памяти. Правда, как позже выяснилось, за банальными именами и фамилиями скрывались потомки переселенцев из Швеции, Норвегии и Германии.

Преподаватели не задерживались на Мэри-Эллен Энрайт. Внешне все студенты и профессора относились к категории ЦК-1. Исключение составлял обслуживающий персонал (работники столовой, уборщики, сторожа), принадлежавший к ЦК-5 и выше.

Интересно, есть ли еще СИНД на потоке? Узнаем ли мы друг друга? Осмелимся ли узнать? И как? Какой ценой?

Разумеется, все мы соблюдали строжайшую конспирацию. В поношенной одежде, под чужим именем, одержимые лишь одним желанием – выжить.

С мрачной гордостью я созерцала собственную маскировку: выуженные из мятой коробки свитера и юбки, куртка на холодную погоду, кроссовки, даже мокасины с белыми хлопковыми носками, заштопанными (но не перештопанными) на пальцах. Судя по потрепанным корешкам, учебники и хрестоматии сменили не одного владельца. В книжном магазине при кампусе я купила тетрадь на спирали с обложкой в черно-белую крапинку и лихорадочно заполняла девственно-чистые страницы мелким убористым почерком – для пущей экономии. В аудиториях мышкой сидела на первом ряду, скрючившись над тетрадью, и исступленно конспектировала, не поднимая головы.

Так странно водить ручкой по бумаге. К моменту моего рождения этот навык, когда-то способствовавший развитию зрительно-моторной координации, практически исчез, однако родители настаивали, чтобы мы с Родди учились писать. И до чего непривычно читать настоящую книгу, с бумажными страницами, которые надо переворачивать самому, а при желании можно и вырвать. Зато такие книги не нуждались в подзарядке и электронных носителях.

Но больше всего меня поразила университетская библиотека – исполинских размеров особняк с огромным количеством надземных и парой-тройкой подземных этажей с бесконечными стеллажами, уставленными книгами, которые полагалось брать и листать *вручную*. А еще просторные читальные залы, залитые ярким светом настольных ламп, полированные столы – и студенты, толпы студентов!

Один только подъем по каменным ступеням, точно к вратам древнего храма, внушал оцепенение и страх.

В Зоне 9 я часто задыхалась. Сердце норовило выпрыгнуть из груди, как в тот день (пока не попавший в длинный перечень стертых воспоминаний), когда дрон учинил расправу над осужденным (как же его звали? первый слог точно «Золль», а дальше?). Это было не очень давно, но яркие образы успели потускнеть. Голова постоянно болела в области, куда вживили микрочип. Любая мысль о... (о ком? о родителях? доме?) натывалась на непреодолимую преграду. Я билась, билась об нее, словно запертый зверь, силящийся прорваться сквозь решетку.

Впрочем, стоило прекратить попытки и сосредоточиться на учебе, чтении печатного текста, подчеркивании, заметках, написании черновика – в общем, на том, чем занимаются нормальные студенты в Зоне 9, – и давление ослабевало, дыхание выравнивалось.

Это твоя новая жизнь. Смирись.

Утраченные друзья

Иногда я просыпалась в слезах, тоскуя не по родителям, а по друзьям.

Внезапно пришло осознание, как сильно любила своих подруг, а ведь временами принимала их как должное, в чем сейчас горько раскаивалась.

Пыталась вспомнить их имена: Карла, Мелани, Дебора и... вроде бы Пейдж.

Точно всматриваешься в густой туман. Все затянуто пеленой. Воспоминания даются с невероятным трудом. Глаза ломит от напряжения, пока я пытаюсь воскресить в памяти лица подруг, успевшие поблекнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.